

АЛЕКС СЕРЕБРОВ

ПЕПЕЛЬНЫЙ ЦВЕТ

18+

Алекс Серебров

Пепельный цвет

«Автор»

2026

Серебров А.

Пепельный цвет / А. Серебров — «Автор», 2026

Алёна умеет вытягивать смерть из отравленной земли. Некромант Тихон — удерживать мертвых от ярости. Официально он был казнен, а она стала безымянной пленницей. Теперь военный полковник запер их в секретной крепости. Задача проста: связать их дары воедино и запустить «Глушитель» — абсолютное оружие, способное уничтожить магию целой провинции. У их вынужденного союза есть побочный эффект. Алёна — единственная, кто дарит Тихону тишину в голове, а он стабилизирует её разрушительный дар. Но они отказываются быть послушным оружием. Совершив невозможный побег, им предстоит стать частью общины выживших и научиться доверять друг другу без приказов. Однако таймер запуска оружия уже тикает. Чтобы спасти людей и мертвую землю, им придется обратить систему против ее создателя. Даже если за это придется заплатить той самой магией, что связала их вместе.

© Серебров А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Семена	5
Глава 2. Правила касания	11
Глава 3. Сестра в кости	17
Глава 4. Плеть из могилы	23
Глава 5. Цена тишины	29
Глава 6. То, что помнит Злата	35
Глава 7. Неправильный рост	42
Глава 8. Слепок	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Алекс Серебров

Пепельный цвет

Глава 1. Семена

Алёна

До смены караула оставалось семь минут.

Алёна знала это точно, потому что последние три вечера просидела на крыше пустого склада напротив крепости и считала солдат. Сначала они появлялись у западной башни. Потом двое шли к воротам, один оставался у лестницы, а четвёртый всегда задерживался возле кухни. Наверное, выпрашивал у повара горячий пирог.

Сегодня пирог мог спасти ей жизнь.

Алёна закрыла за собой узкую дверь и оказалась в военной теплице.

Внутри было тепло и слишком светло. Под потолком горели электрические лампы, между длинными столами тянулись трубы полива. На полках стояли ящики с землёй, стеклянные банки, пакеты с семенами. Большая часть растений погибла. Листья почернели, стебли легли на края горшков. Военные умели разрушить даже то, что предназначалось для роста.

Она сняла с плеча сумку и направилась к дальнему шкафу.

Белая акация должна была храниться там. По крайней мере, так утверждал пьяный лаборант, которому Варвара заплатила бутылкой самого дешёвого самогона. Алёна не слишком доверяла пьяным лаборантам, но другого пути у неё не было.

Весной в Сухой Роще снова отравился колодец. Без акации землю вокруг него не очистить. Без чистой воды посёлок не переживёт лето.

Савелий уже ввёл норму: одна кружка утром, одна вечером. Воду для детей кипятили дважды, но серый осадок всё равно оставался на дне. Когда Алёна уходила, Варвара сунула ей в карман ключ от старого склада и сказала:

— Вернётся без семян — будем копать новый колодец.

Обе знали, что копать негде. Мёртвая полоса уходила далеко на восток, а на западе стояла крепость.

Поэтому Алёна пришла сюда. Не ради красивого подвига и не потому, что считала себя единственной способной всё исправить. Просто она знала семена лучше остальных и могла отличить живое от аккуратно подписанной трухи.

Алёна вставила в замок тонкую металлическую пластинку. Та зацепилась за второй зубец, потом за третий.

— Ещё немного, — пробормотала она. — Не вздумай ломаться. Я тебя честно украла. Замок щёлкнул.

На верхней полке лежали четыре бумажных пакета. На каждом стоял номер. Ни названия, ни даты, только красная печать военного ведомства.

Алёна открыла первый пакет. Пусто. Во втором оказался серый порошок. Третий хрустнул в пальцах знакомо и правильно.

Семена.

Она высыпала несколько на ладонь. Тёмные, плоские, с тонкой светлой полоской по краю. Белая акация. Живая.

Алёна впервые за много дней позволила себе улыбнуться.

— Положите обратно.

Голос прозвучал за её спиной.

Пакет едва не выпал из рук.

Алёна резко обернулась.

В центре теплицы, за рядами столов, находилась круглая грядка, ограждённая каменным бортиком. Рядом сидел мужчина. Его запястья были скованы, короткая цепь уходила к кольцу в полу. Тёмная рубаша расстёгнута у горла. На шее виднелась широкая красная полоса.

Алёна сразу поняла, откуда она.

— Вы же умерли, — сказала она.

— Мне тоже так сообщили.

Тихон Серов, бывший генерал некромантского корпуса, официально казнённый три дня назад, смотрел на неё вполне живыми глазами. Правда, правый глаз заметно запаздывал, когда она двигалась.

Алёна сунула пакет в сумку.

— Тогда мы оба сегодня разочаровали военное ведомство.

— Если бы вы его разочаровали, здесь уже звонил бы колокол.

— Он позвонит через несколько минут.

— Раньше.

Тихон повернул голову к двери, через которую она вошла.

Снаружи что-то щёлкнуло.

Алёна бросилась обратно и дёрнула ручку. Дверь не открылась. По краям металлической рамы загорелась синяя линия.

— Вот теперь звонить поздно, — сказал Тихон.

Она посмотрела на него.

— Вы знали, что меня запрут?

— Я надеялся, что вы умнее и не войдёте.

— Очень полезная надежда. Особенно после того, как я уже вошла.

За стеклом вспыхнул свет. На галерее появились двое солдат. Один держал винтовку, второй опустил рычаг на стене.

Под полом глухо ударило.

Алёна почувствовала толчок подошвами. Земля в ящиках задрожала. По стеклянным банкам пошёл мелкий звон.

— Что они делают? — спросила она.

Тихон поднялся. Цепь позволила ему отойти от кольца всего на два шага.

— Проверяют, как быстро я потеряю контроль.

— А я здесь зачем?

— Это и хотят выяснить.

В дальнем ящике зашевелилась земля. Сначала она вздулась, потом осыпалась по краям, словно кто-то пытался выбраться из-под неё.

На поверхности показалась серая ладонь. Она была слеплена не из плоти, а из мокрого пепла и комков земли. Следом поднялись рука и плечо.

Алёна попятилась.

В соседнем ящике происходило то же самое. Из земли медленно поднималась человеческая голова — гладкая, без глаз и рта. Пепел собирался в фигуру прямо у неё на глазах.

Теперь Алёна поняла: под растениями лежали человеческие останки, а сила Тихона заставляла смешанную с ними землю принимать форму мёртвых.

За стеклом солдаты не двигались.

— Откройте дверь! — крикнула Алёна.

Один из них отвёл взгляд. Второй проверил винтовку.

Тихон коротко выдохнул.

— Они не откроют.

— Я уже догадалась.

— Тогда слушайте. Не стойте рядом с большими ящиками. Под ними больше останков.

— Останков кого?

— Предыдущих испытаний.

Алёна посмотрела на мёртвые растения вокруг. Теперь стало понятно, почему здесь ничего не росло.

Пепельная фигура выбралась из ящика по пояс и потянулась к ней. Алёна ударила её пустым горшком. Горшок разбился, серая рука рассыпалась, но пепел тут же снова собрался вокруг костей.

— Великолепно, — сказала она. — Даже горшок потратила зря.

Шорох заполнил теплицу. Земля двигалась на всех столах. Из неё поднимались плечи, головы, руки. Сначала фигуры тянулись к Тихону, но всё чаще разворачивались к Алёне, единственному свободному живому человеку в помещении.

Он закрыл глаза. На виске проступила жила.

— К стене, — сказал Тихон. — Там они доберутся до вас не сразу.

— А вы?

— Я останусь здесь.

— Удобно. Вы к полу прикованы.

— Именно поэтому советую воспользоваться преимуществом.

Он мог позвать её к себе. Мог сказать, что только рядом с ним она выживет. Вместо этого показывал ей безопасное место.

Алёна не успела добежать до стены.

Пол под ногами треснул. Из щели вырвался серый дым. Он пах горелой травой и мокрой золой. Алёна вдохнула и сразу закашлялась. В груди запекло.

Пепельные фигуры двинулись быстрее.

Тихон поднял скованные руки. Несколько силуэтов замерли, словно наткнулись на невидимую стену. Остальные продолжили ползти.

Из его носа пошла кровь.

— Долго вы их не удержите, — сказала Алёна.

— Приятно, что хотя бы один из нас понимает положение.

Она оглядела теплицу.

Дверь запечатана. Окна слишком высоко. Между столами тянулись трубы полива. В центре находилась старая грядка, вокруг которой когда-то строили всю систему. Если здесь и сохранились живые корни, то под ней.

Алёна бросила сумку к стене, подальше от движущейся земли.

— Что вы делаете? — спросил Тихон.

— Проверяю, можно ли спасти нас обоих.

— Спасайте себя.

— Когда понадобится совет, я обязательно выберу человека, которого казнили три дня назад.

Она перепрыгнула через низкий стол и добралась до центральной грядки. Земля там была холодной и твёрдой. Алёна опустилась на колени, убрала верхний слой и прижала ладонь к почве.

Дар отозвался сразу.

Под пальцами лежал плотный серый пласт. В нём почти не осталось жизни, зато было слишком много человеческого пепла и старой магии. Всё это тянулось к Тихону, а заодно поднимало останки вокруг них.

Алёна попыталась отделить мёртвое от того немногого живого, что ещё сохранялось в почве. Боль прошла по руке до плеча.

Пепельные фигуры вокруг замедлились.

— Прекратите, — сказал Тихон.

— Почему?

— Потому что вы втягиваете эту грязь в собственные лёгкие.

Он был прав. Каждый вдох становился тяжелее. Алёна закашлялась, но руку не убрала.

В глубине грядки обнаружилась тонкая живая нить. Старый корень. Почти высохший, но ещё способный принять воду.

Она направила к нему то небольшое, что смогла очистить от пепла.

Земля дрогнула.

Освобождённая от корня мёртвая сила вся разом устремилась к Тихону. Пепельные фигуры повернулись к нему и двинулись быстрее.

Он пошатнулся. Цепь звякнула. Кровь уже стекала по губе.

— Вы перевели всё на меня, — произнёс он.

— Случайно.

— Успокаивает.

Алёна попыталась отпустить землю, но пальцы свело. Пепел держал её крепче любого замка. В груди жгло так, словно она вдохнула горячую пыль из печной трубы.

Тихон опустился рядом, насколько позволяла цепь.

— Посмотрите на меня.

— Сейчас не лучшее время для знакомства.

— Алёна.

Она вскинула голову. Он знал её имя.

— На три счёта уберёте руку, — сказал Тихон. — Всё, что вы сейчас удерживаете, пойдёт ко мне. Я постараюсь не дать мёртвым подняться снова.

— Вас разорвёт.

— Если не уберёте руку, вы задохнётесь.

За стеклом появился ещё один человек. Высокий мужчина в полковничьем мундире. Он спокойно наблюдал за ними, будто опыт шёл точно по плану.

Алёна поняла: так и было.

Её не поймали случайно. Семена оставили в незапертом секторе, лаборанта напоили нужной историей, путь через служебную дверь никто не перекрыл. Военные ждали пепельную садовницу.

Наверняка знали и о Сухой Роще. О колодце. О людях, которые не смогут долго ждать её возвращения. Эта мысль напугала сильнее пепельных фигур. Пока Алёна считала крепость обычной тюрьмой, оставалась надежда вырваться и исчезнуть. Но Нестеров подготовил приманку именно для неё. Значит, за воротами тоже могли ждать.

Она посмотрела на Тихона. Он следил за полковником, а не за дверью. Видимо, понял то же самое раньше. И всё-таки не предложил ей сделку, не потребовал освободить его в обмен на помощь. Только считал, оставляя решение ей.

— Один, — сказал Тихон.

Пальцы Алёны дрожали.

— Два.

Она могла продолжить сама. Возможно, справилась бы. Возможно, упала бы рядом с этой грядкой и стала ещё одним слоем под будущими растениями.

В Сухой Роще её ждали не потому, что она была смелой. Смелость плохо чинила насосы и совсем не очищала воду. Её ждали, потому что Алёна обычно возвращалась. С ключами, лекарством, нужной деталью, иногда с пустыми руками, но возвращалась.

Чтобы выбраться сегодня, придётся довериться человеку, которого вся страна знала как убийцу. Ненадолго. Ровно настолько, насколько требовала земля.

— Три.

Алёна выдернула руку.

Вся мёртвая сила, которую она удерживала в почве, ударила в Тихона. Он резко втянул воздух, но не закричал. Пепельные силуэты рванулись к нему и остановились в шаге, будто цепи на его руках удерживали теперь и их.

— Теперь корень, — выговорил он.

Алёна снова коснулась земли, на этот раз двумя пальцами. Пока Тихон удерживал мёртвых, она добралась до живой нити и направила к ней воду из старых труб. Ржавый кран задрожал, где-то под полом булькнуло.

Корень впитал первые капли.

Пепельные фигуры начали оседать. Сначала исчезли лица, потом плечи и руки. Последняя ладонь рассыпалась у сапога Алёны.

Тихон отпустил невидимое усилие и тяжело сел на пол.

Теплица затихла.

Алёна убрала руку. Пальцы онемели, в груди свистело. На губах остался серый налёт.

— Вы всегда так знакомитесь? — спросила она, пытаясь отдышаться.

Тихон провёл тыльной стороной ладони по разбитой губе.

— Обычно меня сначала представляют.

— Алёна.

— Я знаю.

— Это пока не делает вас приятнее.

— Я и не рассчитывал.

Он ответил спокойно, но в уголке рта на миг появилось что-то похожее на улыбку. Алёна не успела решить, показалось ей или нет.

Дверь открылась.

Солдаты вошли быстро. Один оттащил Алёну от грядки, второй направил винтовку на Тихона. Полковник появился последним.

— Алёна Дмитриевна Веркина, — произнёс он. — Я полковник Нестеров.

— Я догадалась, что вы здесь главный любитель опытов.

Он не обиделся.

— Вы проникли на военный объект и похитили стратегический растительный материал.

— Не успела похитить. Вы меня заперли.

— Тем лучше для отчёта.

Солдат поднял её сумку и достал пакет с семенами.

Алёна дёрнулась, но ствол винтовки сразу упёрся ей в бок.

— Осторожнее, — сказал Тихон.

Он сидел на полу, бледный, с кровью на лице. Однако смотрел не на солдата. На Нестерова.

Полковник ответил ему почти дружелюбно:

— Вы снова проявляете интерес к живым, генерал. Это хороший знак.

— Я больше не генерал.

— Для государства это решаемый вопрос.

Нестеров повернулся к Алёне.

— Ваш дар совместим с полем Серова. Завтра мы повторим опыт в контролируемых условиях.

— Нет.

— Я не спрашивал согласия.

Алёна хотела ответить, но закашлялась. Воздуха не хватало. Колени ослабли, и солдату пришлось удержать её за плечо.

Тихон посмотрел на её серые губы.

— Ей нужен врач.

— Получит.

— Сейчас.

В голосе Тихона ничего не изменилось, но пепел на столах снова зашевелился. Он не поднимался в фигуры — только пополз тонкими струйками к его ногам, показывая, что контроль ещё не исчез.

Солдаты отступили на полшага.

Нестеров тоже заметил движение.

— Отведите её в лазарет, — приказал он. — Серова — в камеру. Разместить рядом.

Алёну потащили к выходу.

У двери она обернулась на центральную грядку.

Там, где её ладонь лежала на серой земле, показалась тонкая зелёная петелька. Она медленно выпрямилась и раскрыла два маленьких листа.

Один из солдат тихо выругался.

Нестеров подошёл ближе.

— Одиннадцать лет, — сказал он. — Здесь одиннадцать лет ничего не росло.

Алёна посмотрела на росток, потом на пакет с семенами в руке охранника.

Военные хотели получить оружие.

Она только что показала им, что может дать земля вместо него.

И теперь Нестеров точно её не отпустит.

Глава 2. Правила касания

Алёна

Алёна проснулась от собственного кашля.

Грудь болела так, будто ночью ей набили лёгкие сухой землёй. Она села на узкой койке и подождала, пока перестанет кружиться голова. На ладонях темнели тонкие полосы. Кожа не была обожжена, но пальцы слушались хуже обычного.

За стеной кто-то трижды постучал.

Алёна замерла.

Ещё три удара. Медленно, с одинаковыми промежутками.

— Если это вы, Серов, стучите один раз, — сказала она.

Из соседней камеры донёсся один удар.

— Очень содержательно.

Ответа не последовало. Вероятно, на сегодня запас вежливости у бывшего генерала закончился.

Замок щёлкнул. В камеру вошла пожилая женщина в сером халате. За ней остался солдат с винтовкой.

— Сядьте ровно, — сказала женщина. — И не разговаривайте, пока я слушаю грудь.

— Тогда сначала назовитесь.

— Ефросинья Петровна. Лекарь.

Она достала из сумки короткую металлическую трубку, согрела ладонью и приложила к спине Алёны. Попросила вдохнуть. На втором вдохе Алёна закашлялась.

Ефросинья нахмурилась.

— Давно у вас такое бывает?

— Со вчерашнего дня.

— Я спрашиваю не про кашель. Про ожог дара.

Алёна посмотрела на солдата. Тот стоял слишком близко и старательно делал вид, что ничего не слышит.

— Иногда после большой работы.

— Большой — это какой?

— Такой, после которой хочется лечь и не вставать.

— Очень точное медицинское описание.

— Бесплатное.

Ефросинья убрала трубку.

— Вам нужен покой хотя бы на двое суток. Тёплое питьё. Никакой магии.

— Отлично. Передайте это вашему полковнику.

— Уже передала.

— И?

— Он попросил подготовить вас к следующему испытанию.

Алёна прикрыла глаза. На несколько секунд ей захотелось просто лечь обратно. Пусть тащат. Пусть сами решают, сколько она выдержит. Потом она вспомнила пакет с семенами в руке охранника и росток в мёртвой земле.

Нет. Лежать она будет потом.

— Где мои вещи?

— На хранении.

— Семена живы?

Ефросинья помедлила.

— Пока да.

Это «пока» Алёне не понравилось.

Ефросинья налила в жестяную кружку горячую воду и капнула туда что-то из тёмного флакона. От пара пахло сосновой смолой.

— Дышите медленно, — сказала она. — Не глубоко.

Алёна наклонилась над кружкой. Тепло немного смягчило горло.

— Вы лечили Серова после казни?

Рука Ефросиньи замерла над сумкой. Совсем ненадолго.

— Я лечу тех, кого приводят.

— Удобная профессия в крепости. Никогда не нужно спрашивать, откуда у человека след от петли.

— В моей профессии иногда важнее сначала вернуть человеку дыхание. Вопросы можно задать потом.

— Вы задали?

Ефросинья посмотрела на солдата у двери.

— Допейте воду.

Ответа не было, но Алёна его слышала. Лекарка знала больше, чем говорила, и боялась не Серова.

Когда дверь за ней закрылась, Алёна поставила кружку на пол и придвинулась к стене.

— Серов.

Один удар.

— Сегодня нас заставят повторить вчерашнее.

Один удар.

— Если я скажу «стоп», вы отпустите руку?

Пауза затянулась. Алёна уже решила, что он не понял, когда раздался один чёткий удар.

— Даже если они прикажут продолжать?

Снова один.

Она прислонилась затылком к холодному камню.

— А если вы скажете?

Один удар.

— Это значит «да» или «вы сегодня особенно разговорчивы»?

Из-за стены донеслись два удара.

Алёна хмыкнула.

— Вот и договорились.

Замок открылся ещё раз. На этот раз вошёл Нестеров. Без папки, без солдат — если не считать двоих в коридоре.

Он осмотрел кружку, койку, ладони Алёны.

— Лекарь считает, вам нужен отдых.

— Умная женщина.

— Но времени на него нет.

— Тогда зачем пришли?

— Убедиться, что вы понимаете своё положение.

Алёна взяла кружку и сделала глоток. Так говорить было легче.

— Меня заманили в теплицу, заперли с официально мёртвым генералом и теперь хотят повторить опыт. Положение довольно ясное.

— Вы проникли на объект добровольно.

— За семенами, которые вы забрали у людей, умирающих без чистой воды.

— Семена принадлежат государству.

— Земля тоже?

— Пока идёт война — всё, что может повлиять на её исход.

— Удобно.

Нестеров не стал спорить.

— Сегодня вы коснётесь Серова и удержите поток столько, сколько потребуется. Если опыт пройдёт успешно, семена сохраняют.

— А если нет?

— Их используют без вас.

Это была угроза, но не та, на которую он рассчитывал. Алёна знала, что без живого садовника большая часть военного запаса погибнет. Возможно, Нестеров тоже знал. Поэтому и пришёл лично.

— Я буду работать только по правилам.

— Правила устанавливаю я.

— Тогда удачи вам с корнями.

За стеной раздался один удар.

Нестеров посмотрел туда, потом снова на Алёну.

— Через пять минут вас выведут.

— Значит, у вас есть пять минут подумать.

Он ушёл, не попрощавшись.

Через полчаса её вывели в коридор. Тихона вели впереди. На руках у него снова были широкие браслеты, но теперь цепь держали два солдата. Шёл он ровно. Только один раз задел плечом стену, когда коридор повернул.

Алёна заметила это и ничего не сказала.

У лестницы он замедлил шаг, давая ей поравняться. Один из конвоиров сразу натянул цепь.

— Вы знали про вчерашнюю ловушку? — спросила Алёна.

— Знал, что Нестеров кого-то приведёт. Не знал кого.

— И ничего не сказали, пока я не оказалась внутри.

— Вы вошли через дверь, которую я не видел из своей клетки.

Она хотела напомнить, что у него имелся голос, но удержалась. Вчера он предупредил её при первой возможности. Этого было недостаточно для доверия, но достаточно, чтобы не придумывать лишнюю вину.

— Сегодня он хочет, чтобы мы держались за руки.

— Романтические способности полковника всегда были ограниченны.

Алёна всё-таки усмехнулась. Конвоир рядом недовольно покосился на них.

— Я поставлю условия.

— Он откажет.

— Сначала.

Тихон повернул к ней голову. На этот раз взгляд остановился точно на её лице.

— Тогда я поддержу.

Просто. Без обещаний защитить, без требования поверить ему. Алёна кивнула и снова отстала на шаг.

Испытательный зал оказался меньше теплицы. В центре стоял металлический стол с двумя креслами. Между ними — ящик с серой землёй и тонкими корнями. По краям стола тянулись медные полосы. За стеклянной перегородкой ждали Нестеров, Ефросинья и двое людей в белых халатах.

— Садитесь, — приказал капитан у двери.

Тихон не двинулся.

Алёна тоже.

Капитан посмотрел на неё, потом на него.

— Я повторю один раз.

— Не трудитесь, — сказала Алёна. — Мы слышали.

Нестеров включил переговорную трубку.

— Алёна Дмитриевна, вам объяснили задачу?

— Нет.

Один из людей в белом халате быстро перелистнул бумаги.

— Контакт ладонями, — сказал Нестеров. — Десять секунд. Затем вы вытягиваете из земли пепельную примесь и отдаёте её корню. Серов не даст находящимся в ней мёртвым подняться.

— А если через десять секунд не получится?

— Продолжите до результата.

— Значит, десять секунд вы назвали для красоты.

Нестеров не улыбнулся.

— Вчера вы действовали без подготовки и выжили. Сегодня условия безопаснее.

— Для кого?

— Для проекта.

Алёна подошла к столу, но не села. Корни в ящике были бледными и слишком сухими. Их вырвали недавно, потом держали без воды. Военные снова хотели проверить живое, предварительно почти убив его.

— Я буду работать только при трёх условиях, — сказала она.

Капитан тихо хмыкнул. Нестеров склонил голову.

— Вы не в положении торговаться.

— Тогда проведите опыт без меня.

— Вас посадят в кресло.

— Посадят. Руки закрепят. А дальше что? Заставите меня отличить живой корень от мёртвого? Прикажете лёгким не закрываться от пепла?

Нестеров молчал.

Алёна увидела, что попала точно. Её дар нельзя было включить рычагом. Пока нельзя.

— Первое условие, — продолжила она. — Время контакта считаем вслух сами, а не по команде человека за стеклом.

Она кивнула на Тихона.

— Второе: если один говорит «стоп», второй сразу разрывает контакт.

— Испытание прекращает руководитель, — сказал Нестеров.

— Тогда руководитель может сам держать Серова за руку.

Капитан шагнул к ней, но Тихон поднял скованные руки. Солдат остановился.

— Третье условие? — спросил Тихон.

Это были первые слова, которые он произнёс с момента выхода из камеры.

— Никаких приказов мёртвым, пока мой дар проходит через землю и его руку.

Нестеров посмотрел на него.

— Вы понимаете, что она требует?

— Да.

— И принимаете?

— Да.

— Даже если потеряете контроль?

— Особенно тогда.

Алёна взглянула на него. Тихон стоял спокойно, как будто только что согласился не брать добавку за ужином. Но Нестеров явно услышал больше. Его лицо осталось прежним, а пальцы на папке сжались.

— Хорошо, — сказал полковник. — Десять секунд. Право остановки. Без приказа через флейту.

— Флейты здесь нет, — заметила Алёна.

— Она и не потребуется.

Тихон посмотрел на неё.

— Это не то же самое, что «не будет приказов».

Нестеров выдержал паузу.

— Серов не отдаёт приказов мёртвым внутри вашего поля. Формулировка вас устраивает?

— Пока да.

— Тогда садьте.

К креслам добавили ремни. Алёна позволила закрепить только левое запястье. Правую руку оставила свободной. Тихону расстегнули один браслет и тут же пристегнули цепь к кольцу на столе.

— Удобно устроились? — спросила Алёна.

— Мечтал об этом с утра.

Она не ожидала ответа и чуть не улыбнулась. Вовремя вспомнила, что за стеклом на них смотрят как на два новых механизма.

Ефросинья принесла стакан воды. Алёна выпила половину. Остальное поставила рядом.

— Если начнёте задыхаться, прекращайте, — тихо сказала лекарка.

— Полковник разрешил?

— Нет.

— Тогда не слышала.

Ефросинья поджала губы и отошла.

Человек в белом халате включил ток. Медные полосы на столе засветились тускло-жёлтым. Земля в ящике дрогнула. Под ней что-то зашуршало.

Алёна положила ладонь на край ящика. Тихон сделал то же самое с другой стороны.

— Контакт, — сказал Нестеров.

Они протянули руки одновременно.

Ладонь Тихона оказалась холодной. Не ледяной, как Алёна ожидала, а просто холоднее её руки. Кожа сухая, пальцы сильные. Он не сжал её ладонь.

— Один, — сказала Алёна.

Серая пыль между корнями собралась в подобие пальцев и тут же осыпалась.

— Два, — продолжил Тихон.

Корни под их руками дёрнулись.

— Три.

Алёне стало трудно вдохнуть. Она осторожно вытянула из земли серую примесь. На этот раз холод от человеческого пепла не весь вошёл в её грудь: часть прошла через их сцепленные ладони к Тихону.

— Четыре.

Шум за стенами стих. Алёна не слышала его и раньше, но поняла по лицу Тихона: что-то изменилось. Напряжение у рта стало слабее.

— Пять.

В ящике показался тонкий белый корешок.

— Шесть.

Алёна почувствовала чужую боль — короткий удар в правый висок без образа и причины. Она дёрнулась.

Тихон сразу ослабил пальцы.

— Продолжаем? — спросил он.

Нестеров за стеклом поднял руку, запрещая останавливаться.

Алёна посмотрела не на него.

— Продолжаем. Семь.

— Восемь.

Вместе с болью пришла чужая ярость.

Она была не Тихона. Алёна почему-то поняла это сразу. Тихон держал себя слишком жёстко, будто привык закрывать каждую дверь внутри. Эта ярость не закрывалась. Она рвалась наружу, горячая, женская, полная такой обиды, что у Алёны свело пальцы.

Перед глазами на миг мелькнула длинная белая кость, вырезанная как трубка, а следом — тёмные волосы на мокрой щеке.

— Девять, — сказал Тихон.

Он тоже почувствовал перемену. Его взгляд стал резче.

Женская ярость повернулась к Алёне.

Слов не было, только ясное, почти физическое неприятие. Будто она вошла в чужой дом и заняла чужое место.

— Стоп, — сказала Алёна.

Тихон отпустил её в ту же секунду.

Корень в ящике лопнул. Медная полоса вспыхнула. Один из людей за стеклом выругался.

Нестеров ударил по рычагу.

— Контакт восстановить.

Алёна убрала руку к груди.

Тихон положил освобождённую ладонь на стол.

— Она сказала «стоп».

— Опыт не завершён.

— Условия были приняты.

— Условия действуют, пока не угрожают результату.

Алёна растегнула ремень на левом запястье.

— Тогда результата не будет.

Капитан вошёл в зал с двумя солдатами. Тихону снова защёлкнули браслет. Алёне заломили руки за спину, хотя она не сопротивлялась.

Нестеров вышел из-за стекла.

— Через двадцать восемь дней установка должна работать в полном масштабе, — сказал он. — К этому времени вы научитесь сотрудничать.

— Мы уже сотрудничаем, — ответила Алёна. — Просто не с вами.

Вот теперь она увидела настоящую реакцию. Небольшую. Нестеров посмотрел на капитана.

— Удвоить охрану. Убрать из камер всё, что можно использовать для передачи сообщений. Развести их по разным концам коридора.

— Напрасно, — сказал Тихон. — Она всё равно будет спорить.

— А вы?

— Я буду считать.

Алёну повели к двери. Грудь снова саднило, пальцы дрожали после контакта. Но хуже было другое.

Чужая ярость не исчезла сразу. Она осталась где-то рядом, как жар от закрытой печи.

И была направлена не только на Тихона.

На неё тоже.

Глава 3. Сестра в кости

Тихон

Ночью Злата не замолчала ни на минуту.

Иногда её голос звучал рядом, будто она сидела на полу у стены. Иногда уходил далеко и смешивался с десятками других. Тогда Тихон слышал обрывки чужих просьб, приказов, молитв и последних слов. К утру они слились в ровный гул.

Он не спал.

Флейту держали в оружейном шкафу на другом конце крепости, но расстояние почти ничего не меняло. Злата была привязана не только к кости. Слишком много лет она провела рядом с ним, чтобы один запёртый шкаф смог подарить тишину.

«Ты обещал больше не помогать ему».

Тихон лежал на спине и смотрел в тёмный потолок. Левым глазом различал трещину над койкой. Правым — только светлое пятно. После вчерашнего оно не уменьшилось.

«Ты опять молчишь».

— Ты не спрашиваешь, — ответил он наконец.

За дверью сразу зашевелился караульный. Тихон замолчал.

Злата появилась у стены. В темноте её образ был почти таким, каким он помнил сестру до Верны: тонкие руки, волосы собраны на затылке, недовольная складка между бровей. Только одежда оставалась той, в которой она умерла. Мокрая рубаха прилипла к плечам.

«Зачем тебе садовница?»

— Мне — незачем.

«Нестерову нужна».

Это он и без неё понимал. Алёну привели не потому, что она случайно полезла в теплицу. Нестеров мог закрыть западную дверь, перенести семена, поставить обычную охрану. Вместо этого он оставил путь и посадил Тихона рядом.

Значит, следил за ней давно. Значит, знал о Сухой Роще и её колодце.

Тихон подумал сказать об этом при первой возможности. Потом вспомнил, как Алёна смотрела на него после слов Нестерова о проекте. Она не нуждалась в ещё одном мужчине, который сообщит, что давно всё понял. Нужны были факты. Пока у него имелись только привычки полковника и собственное недоверие.

«Отпусти меня сегодня», — сказала Злата.

— Не могу.

«Не хочешь».

В этом она была ближе к правде. Он мог ослабить удержание. Тогда Злата растворилась бы среди общего шума — не свободная, просто потерянная. Найти её снова без флейты было бы почти невозможно.

Тихон уже однажды оставил сестру за закрытой дверью. Второй раз даже смерть не делала проще.

На рассвете открылась дверь. Двое солдат принесли цепь длиннее вчерашней и приказали встать.

— Полковник ждёт, — сказал один.

— Я тронут.

Солдат не понял шутки. Или решил, что не понял.

В коридоре Тихон попытался определить, где держат Алёну. После вчерашнего Нестеров развёл их по разным концам тюремного крыла. Это не помогло. Кашель Алёны он слышал ещё ночью. Сначала редкий, потом тяжёлый. К утру она почти не кашляла, что тревожило больше.

Злата слышала тоже.

«Она долго не выдержит».

Тихон не ответил.

«Нестерову и не нужно долго».

Он продолжал идти.

Разговаривать с мёртвыми вслух было плохой привычкой. Солдаты пугались, а Нестеров получал слишком много сведений о том, что именно Тихон слышит.

Испытательный зал изменили за ночь. Вокруг стола поставили медное кольцо. От него шли провода к стенам и к узкому шкафу за стеклом. На отдельной подставке лежала костяная флейта.

Злата сразу стала громче.

«Не трогай её».

Тихон посмотрел на флейту. Белая кость потемнела у отверстий. Её вырезали одиннадцать лет назад из бедра другого человека, хотя солдаты любили шептаться, будто кость принадлежала Злате. Сестра умерла в тот же день, когда Тихон впервые сыграл на флейте, и с тех пор её голос держался ближе остальных.

Алёну привели через другую дверь.

Она выглядела лучше, чем звучала ночью. Волосы собраны кое-как, на лице ни капли серого налёта. Только слишком бледные губы и пальцы, которые она прятала в рукавах.

— Доброе утро, — сказала она. — Хотя у вас оно, кажется, началось вчера.

— Не всё сразу. Я ещё могу испортить день.

— Постарайтесь не мне.

Нестеров вошёл следом.

— Сегодня медное кольцо соединит вас, Серова и флейту. Серов удержит рядом один голос. Алёна Дмитриевна попробует услышать его и понять, что он помнит.

— Я не разговариваю с мёртвыми, — сказала Алёна.

— Пока нет.

Тихону не понравилось это слово.

— Кого вы хотите выделить? — спросил он.

Нестеров кивнул на флейту.

Злата рассмеялась. Звук прошёл по вискам тупой болью.

«Конечно. Кого же ещё».

— Нет, — сказал Тихон.

— Почему?

— Она нестабильна.

«Я стою рядом одиннадцать лет, а нестабильна я?»

— Именно поэтому, — ответил Нестеров. — Личный якорь даёт лучший сигнал.

— Вы хотите не сигнал. Вы хотите, чтобы Алёна увидела память Верны.

Нестеров не стал отрицать.

— Если её дар связан с прежним контуром, воспоминание может вызвать ответ.

— Или сжечь ей лёгкие.

— Ефросинья будет рядом.

— Вчера она тоже была рядом.

Алёна спокойно слушала. Только пальцы вышли из рукавов и легли на край стола. Тихон понял: она запоминает каждое слово.

— Есть другой вариант, — сказал Нестеров. — Мы пропустим через кольцо голоса всех мёртвых поблизости и посмотрим, сможет ли садовница сама выделить один.

Тихон посмотрел на него.

Алёна не умела выбирать мёртвых. Если кольцо разом проведёт через неё десятки голосов, вместе с ними в её тело войдут чужая боль и пепельный холод. Нестеров это знал. Второй вариант был лишь способом заставить Тихона согласиться на Злату.

— Злату удерживаю я, — сказал он. — Контакт прекращается по первому требованию Алёны.

— Или вашему? — спросил Нестеров.

— По первому требованию любого из нас.

Алёна посмотрела на Тихона. Вчера они договорились об этом через стену. Сегодня он повторил условие без напоминания.

— И никаких приказов ей через флейту, — добавила она.

— Вы всё ещё считаете дух человеком? — спросил Нестеров.

— Я считаю, что человек, которого принуждают говорить после смерти, вряд ли станет полезнее от нового приказа.

Злата на несколько секунд замолчала.

Тихон почувствовал это как пустое место рядом.

Нестеров перевёл взгляд с Алёны на него.

— Выбирайте, Серов. Один личный голос под вашим контролем или общий фон.

Выбора не было. Но решение всё равно оставалось его.

— Злата, — сказал Тихон. — Только она.

«Ненавижу тебя».

— Знаю.

Алёна подняла брови.

— Это она?

— Да.

— Хорошее начало знакомства.

— У нас семейное.

Алёна переводила взгляд с одного мужчины на другого.

— О ком речь?

Тихон не успел ответить.

Нестеров сказал:

— О его сестре.

Алёна посмотрела на флейту.

— Она привязана к этой вещи?

— И ко мне, — сказал Тихон.

— Вы можете заставить её говорить?

— Могу удержать рядом. Говорить она решает сама.

«Наконец-то честно».

Нестеров велел им занять места. На этот раз кресел не было. Алёна и Тихон встали по разные стороны низкого стола. Между ними положили флейту. Медное кольцо прошло под ногами.

— Правила те же, — сказала Алёна.

— Вчерашние условия касались контакта, — заметил Нестеров.

— Сегодня тоже будет контакт?

— Да.

— Тогда правила те же.

Тихон посмотрел на полковника.

— Она права.

— Вы удивительно быстро нашли общий язык.

— Вы заперли нас вместе. Не жалуйтесь на результат.

Нестеров жестом разрешил начать.

Тихон положил ладонь на флейту. Холод кости вошёл в пальцы. Голоса вокруг оживились. Десятки потянулись к знакомому якорю, но он удержал только один.

Напротив Тихона постепенно проступила светлая фигура Златы: военная рубаша, мокрые волосы, прилипшие к лицу. Именно такой он видел сестру в последний раз, когда двери камеры уже закрывались.

Алёна пока ничего не замечала.

— Подойдите, — сказал Тихон.

Она протянула руку.

— Считаем?

— Считаем.

Их пальцы соприкоснулись.

— Один, — сказала Алёна.

Медное кольцо вспыхнуло.

— Два.

Злата резко повернула голову.

«Она слышит?»

— Ещё нет, — ответил Тихон вслух.

Алёна нахмурилась, но продолжила:

— Три.

— Четыре.

Тихон отделил голос сестры от общего гула. Это всегда давалось тяжело. Чтобы удержать одного мёртвого, приходилось на время перестать слышать остальных, а они не любили, когда их отталкивали.

Боль ударила в затылок.

— Пять, — сказал он.

Алёна вздрогнула.

Злата шагнула ближе.

«Ты привёл ещё одну».

— Кого? — спросила Алёна.

Она услышала не всё. Пока только интонацию.

— Мою сестру.

— Шесть.

Злата подняла руку. Пальцы прошли сквозь ладонь Алёны, но та резко отдёргнулась.

— Холодно.

— Это она.

«Новая корневая. Новая девочка для твоего правильного приказа».

— Не трогай её, — сказал Тихон.

Злата повернулась к нему.

«А ты снова будешь решать, кого мне трогать?»

Алёна побледнела.

— Теперь слышу.

Тихон почувствовал, как Нестеров за стеклом подался вперёд.

— Семь, — напомнила Алёна.

Она не убрала руку. Упрямая. Или слишком любопытная.

Злата подошла к ней почти вплотную.

«Тебя тоже заставят растить им дорогу. Сначала корни. Потом людей положат сверху».

— Что значит «людей сверху»? — спросила Алёна.

Нестеров тут же включил переговорную трубку.

— Не отвлекайтесь. Опишите голос.

— Женщина. Молодая. Злая.

«Я не злая».

— Очень злая, — уточнила Алёна.

Тихон едва не усмехнулся. Злата заметила.

«Тебе смешно?»

Её образ дёрнулся. В медном кольце вспыхнул белый свет. Алёна охнула и сжала руку Тихона сильнее.

Через прикосновение Тихон увидел кусок памяти Златы. Каменный зал освещали красные лампы. За железными дверями толпились люди в белых медицинских повязках, сама Злата стояла по другую сторону стекла, а у пульта находился Нестеров.

Это воспоминание принадлежало сестре, и по тому, как замерла Алёна, Тихон понял: она видит ту же сцену.

— Стоп, — сказал Тихон.

Нестеров приказал продолжать.

Алёна не отпустила его сразу.

— Она показывает место.

— Алёна, отпустите.

— Там закрытые двери.

Злата повернулась к ней.

«Он их закрыл».

Тихон сжал флейту.

— Нет.

«Ты включил контур».

— Да.

Тихон слишком ясно услышал собственное «да».

Алёна посмотрела на него. Вопросов в её лице стало больше, но она всё ещё держала его руку.

Злата продолжала:

«Ты знал, что нас не успеют вывести».

— Не знал.

«Должен был знать».

Это обвинение он слышал каждый день одиннадцать лет. Иногда её голосом. Чаще своим.

Нестеров что-то говорил за стеклом, требовал описать изображение, назвать температуру поля, продолжить контакт. Тихон почти не слышал.

Злата приблизилась к Алёне ещё на шаг.

«Спроси его, сколько человек осталось в Верне».

Алёна шевельнула губами.

— Верне?

Медное кольцо загудело. Пока Тихон удерживал Злату рядом с Алёной, другие мёртвые тоже нашли дорогу через их прикосновение и навалились на него десятками голосов. По краям зрения расплзлось серое пятно.

Нужно было приказать Злате замолчать. Одно слово — и она отступила бы. Флейта лежала под его ладонью, готовая провести приказ.

Он не сделал этого.

— Злата, отойди сама, — сказал Тихон.

Она смотрела на него долго.

«Почему?»

— Потому что это не её вина.

«А моя?»

— Тоже нет.

Злата вздрогнула, будто он ударил её.

Тихон отпустил флейту и разжал пальцы Алёны.

Контакт оборвался.

Медное кольцо погасло. Голоса рухнули обратно в него все разом. Он удержался на ногах, но зал поплыл. Правый глаз перестал различать лица. Остались пятна света и тени.

Солдаты ворвались внутрь. Один схватил Алёну за плечи. Второй потянул Тихона от стола.

— Я сказала «стоп» раньше, — бросила Алёна Нестерову.

— Сказал он, — поправил полковник.

— По нашим правилам этого достаточно.

— Ваши правила мешают получать данные.

— Зато ваши отлично убивают людей.

В зале стало тихо.

Тихон повернул голову к Алёне. Видел её плохо, но голос звучал ясно.

Она смотрела на Нестерова, не на него.

— Что произошло в Верне? — спросила она.

Полковник ответил спокойно:

— Вражеский удар.

Злата рассмеялась внутри Тихона. Горько и без радости.

Алёна услышать её уже не могла. Но, кажется, поняла по его лицу.

Она перевела взгляд на него.

— А ваша сестра считает иначе.

Тихон не стал лгать.

— Да.

— И вы тоже?

Серое пятно в правом глазу медленно расползлось.

— Я знаю, что Верна погибла после моего приказа.

Нестеров шагнул между ними.

— Испытание окончено.

— Для вас, — сказала Алёна. — Для меня только началось.

Она подошла ближе, несмотря на солдата у плеча. Тихон видел её теперь почти только левым глазом. Лицо расплывалось по краям, зато выражение было понятным: ни страха, ни жалости. Она собирала факты и уже решала, какие из них можно использовать против него.

— Вы расскажете мне всё, — сказала она.

— Когда смогу подтвердить.

— Удобный ответ.

— Другого у меня пока нет.

— Тогда не ждите доверия.

— Не жду.

Это, кажется, разозлило её сильнее оправданий. Алёна отвернулась и позволила увести себя.

Тихон остался у стола. Правый глаз почти не различал света. Злата снова стояла рядом, но теперь не говорила.

С этого мгновения Алёна смотрела на него уже не как на возможного союзника, а как на человека, чью вину ещё предстояло отделить от лжи Нестерова.

Глава 4. Плеть из могилы

Алёна

На четвёртый день её вывели за стены крепости.

Но не на свободу — во двор для испытаний.

До него шли через служебные ворота. Алёну поставили между двумя солдатами, Тихона вели следом. Утро было холодным. После трёх дней под крышей свежий воздух сперва казался подарком, потом Алёна вдохнула глубже и снова закашлялась.

Тихон ускорил шаг.

— Не надо, — сказала она, не оборачиваясь.

— Что именно?

— Смотреть так, будто сейчас начнёте давать советы.

— Я хотел спросить, можете ли вы идти.

— Могу.

— Тогда совет отменяется.

Один из солдат толкнул его цепь вперёд. Разговор закончился, но вопрос из вчерашнего дня никуда не делся. Алёна дождалась, когда охрана немного отстанет у тяжёлой двери.

— Вы сказали, что Верна погибла после вашего приказа.

Тихон не ответил сразу.

— Да.

— Какого приказа?

— Запустить первый контур.

— Вы знали, что произойдёт?

— Нет.

— Удобно.

— Очень. Одиннадцать лет живу с удобством.

Она наконец посмотрела на него. В его голосе не было ни обиды, ни попытки разжалобить. Только усталость. Это раздражало больше, чем оправдания.

— Почему я должна вам верить?

— Не должны.

— А рассказать всё вы тоже не можете?

— Могу рассказать свою версию. Нестеров назовёт её ложью. Злата — оправданием. Вам нужны не мои слова.

— А что?

— Документы. Свидетели. То, что не зависит от меня.

Дверь перед ними открылась, и солдаты снова подтолкнули цепи.

Алёна отвернулась. Ответ был разумным. Поэтому доверять ему легче не стало.

С одной стороны стояла каменная стена, с другой — длинный земляной вал. За ним начиналось старое поле. Трава там росла редкими жёлтыми клочьями. Между ними белели камни, слишком ровные и одинаковые, чтобы быть обычными.

Над ямой у края поля уже ждали люди.

Нестеров, Ефросинья и незнакомый капитан в чёрной шинели. На поясе у него висел револьвер, на сапогах не было ни пылинки. Рядом стояли четверо солдат и двое рабочих с лопатами.

Тихона привели отдельно. Сегодня цепь на его руках была короче, чем обычно. Костяную флейту нёс солдат в закрытом футляре.

Алёна посмотрела на поле.

— Это кладбище?

— Полоса санитарного захоронения, — ответил капитан.

— Значит, кладбище без имён.

— Капитан Резнов, — представился он. — Я отвечаю за испытание.

— Уже сочувствую испытанию.

Резнов усмехнулся, но глаза остались холодными.

— Ваша задача простая. Вырастить плеть из подготовленного корня. Серов поднимет остаточный фон. Растение должно пройти десять метров и удержать движущуюся цель.

Один из рабочих снял брезент с длинного деревянного ящика. Внутри лежал толстый корень, похожий на серую змею. На конце виднелись мелкие чёрные почки.

Алёна наклонилась ближе.

Корень был жив. Едва. Его держали без воды, зато пропитали чем-то сладким и густым. Чтобы он рванул к любой доступной пище.

— Откуда растение?

— Военная разработка.

— Я спрашиваю не название ведомства.

— Из лаборатории.

— А земля?

Резнов кивнул рабочим.

Они опустили лопаты в край ямы. Сверху лежал обычный песок. Ниже показалась тёмная, почти чёрная почва.

Алёна почувствовала содержимое ямы ещё до того, как подошла. Под песком лежала смесь человеческого пепла, старых костей и магического осадка, который военные пересыпали известью.

— Вы хотите кормить растение могилой.

— Мы хотим использовать доступный источник.

— Людей.

— Они уже мертвы.

— Поэтому можно не спрашивать?

Резнов посмотрел на Тихона.

— Серов раньше не отличался такой чувствительностью.

Тихон стоял неподвижно. Лицо после вчерашнего было бледнее обычного. Правым глазом он почти не следил за движением. Алёна заметила это сразу и разозлилась на себя за то, что вообще заметила.

— Раньше я лучше видел, — сказал Тихон.

— Раньше вы лучше выполняли приказ.

Нестеров вмешался:

— Достаточно. Начинайте.

Алёна повернулась к нему.

— Вы обещали контролируемое испытание.

— Оно контролируемое.

— На костях безымянных людей?

— Именно поэтому здесь работает Серов.

Тихон встретил её взгляд.

Со вчерашнего дня они не разговаривали. Алёна не знала, что именно он сделал в Верне. Знала только, что приказ был его. Этого хватало, чтобы держаться подальше. Но сейчас Нестеров снова ставил их в один контур, будто выбора ни у кого не осталось.

Алёна подошла к ящику с корнем.

— Мне нужна вода.

Резнов кивнул солдату. Тот принёс ведро.

Алёна опустила пальцы в ведро: вода была чистой и холодной. Затем надломила край корня и увидела светлую влажную ткань. Он ещё жил. Если направить в него силу, оставшуюся в человеческом пепле, корень быстро превратится в хищную плеть.

Она представила, как такое растение запускают через окоп. Корни находят тела, стебли цепляются за ноги, шипы затягиваются на горле.

Военные не хотели очистить землю. Они хотели научить землю убивать.

— Сколько времени? — спросила Алёна.

— Пять минут, — ответил Резнов.

Он махнул рукой. За земляным валом закрипело колесо. Двое солдат вытолкнули на рельсах деревянную фигуру в старой шинели. Внутри, судя по запаху, лежал мешок с тёплой кровью.

— Цель пойдёт через минуту после начала роста, — сказал Резнов. — Плеть должна догнать, связать ноги и удержать не меньше тридцати секунд.

Алёна посмотрела на старую шинель. На рукаве темнела чужая заштопанная фамилия. Военные даже для чучела взяли одежду погибшего.

— Мне нужно десять минут.

— У вас семь.

— Щедрый человек.

— На поле противник не даст вам десять.

— На поле я не собираюсь выращивать для вас убийцу.

— Вы всё ещё думаете, что выбор остался.

— Пока я решаю, куда растёт корень, выбор есть.

Резнов отошёл к рельсам.

— Посмотрим, как долго.

Флейту достали из футляра и передали Тихону. Он взял её обеими руками. Солдаты сразу отступили.

Резнов заметил это и поморщился.

— Поднять фон. Не больше трёх голосов.

Тихон не поднёс флейту к губам.

— Здесь больше трёх сотен.

— Тогда выберите подходящих.

— Они не инструменты.

— Сказал человек, который командовал некромантским корпусом.

Тихон посмотрел на Алёну.

— Готовы?

Она поняла: он спрашивал не об испытании, а о готовности снова соединить их дары через землю.

— Скажите, если начнёте терять контроль.

— Вы тоже.

Он сыграл одну низкую ноту.

Звук был негромким, но в тёмном слое под песком зашевелилась сила, оставшаяся в костях. По яме прошла дрожь, и от земли потянуло могильным холодом.

Алёна опустила корень в почву и пустила к его живой ткани воду. Тихон собрал поднявшиеся голоса вокруг себя, не позволяя им добраться до неё. Освобождённая от них сила вошла в корень.

Чёрные почки раскрылись. Из них показались тонкие белые побеги, быстро утолщились и покрылись маленькими загнутыми шипами.

Резнов подошёл ближе.

— Ускорьте рост.

Алёна не ответила.

Она уже видела, где военные ошиблись. Растение было голодным, но не умным. Оно шло туда, куда направляли питание. Если изменить путь, можно было заставить его потратить запас не на длину и шипы.

Алёна собиралась превратить плеть в тяжёлую мягкую массу — живую, но бесполезную в бою.

Тихон едва заметно кивнул.

Алёна перехватила силу, которая питала верхушку плети, и отвела её в десятки боковых корешков. Растение дёрнулось. Шипы перестали удлиняться, а вместо них раскрылись мягкие серые листья.

— Что вы делаете? — спросил Резнов.

— Работаю.

— Нужна плеть.

— Она и растёт.

Только не та, которую вы хотели, подумала Алёна.

Тихон по-прежнему удерживал мёртвые голоса возле себя и не дал ни одному добраться до центрального стебля. Он понял её план и оставил корню только ту силу, которую Алёна направляла в боковые отростки.

Резнов заметил.

— Серов, держать направление!

— Некромантическая часть нестабильна.

— Вчера она была стабильна.

— Вчера под нами не лежало поле безымянных костей.

Алёна едва не посмотрела на него. Он лгал спокойно. Брал сбой на себя так, будто это обычный доклад.

Алёна направила остаток силы в нижнюю часть корня, где уже росли короткие боковые ответвления.

За валом дёрнули рычаг. Деревянная фигура поехала по рельсам. Мешок с кровью качнулся внутри шинели, и голодный центральный стебель повернулся за ним.

Алёна успела отвести питание от стебля, который повернулся к мишени. Она снова направила силу вниз, и корень выпустил десятки коротких ответвлений. Они переплелись между собой, забрали воду и лишили верхушку возможности тянуться дальше.

Растение разрослось вширь. Из ящика вывалилась тяжёлая серая масса листьев и мягких стеблей. Она закрыла половину ямы, но не протянулась к мишени ни на метр. Деревянный солдат спокойно проехал мимо.

Один мягкий побег всё же зацепил край шинели и тут же порвался.

— Удержание: меньше секунды, — сухо сообщил человек с часами.

— Зато никто не задушен, — сказала Алёна.

Резнов выругался.

— Исправить.

— Поздно, — сказала Алёна. — Питание ушло в ткань. Шипов не будет.

— Тогда перераспределите.

— Это растение, а не мешок с мукой. Назад не пересыпать.

— Серов!

Тихон опустил флейту.

— Поднятые голоса потянулись не туда, куда я их удерживал.

Резнов шагнул к нему.

— Из-за вас?

— Да.

Алёна резко повернулась.

— Нет.

Тихон посмотрел на неё. Левым глазом точно, правым — чуть мимо.

— Из-за меня, — повторил он.

— Я изменила рост.

— После сбоя в моём поле.

Он давал ей возможность отступить. Принять версию, при которой она просто не справилась, а не сознательно испортила военную разработку.

Алёна не любила чужие жертвы. Особенно те, о которых не просила.

— Он врёт, — сказала она Нестерову. — Я сама направила питание в листья.

Резнов усмехнулся.

— Какая трогательная честность.

— Не путайте честность с желанием не быть вам обязанной.

Тихон чуть опустил голову. Возможно, скрывал раздражение. Возможно, улыбку. С его лицом было трудно понять.

Нестеров подошёл к серой массе и раздавил лист сапогом. Внутри была вода и мягкая волокнистая ткань. Ни шипов, ни яда.

— Принцип роста подтверждён, — сказал он. — Боевая функция сорвана намеренно.

— Значит, половина задания выполнена, — заметила Алёна.

— Для вас это плохая половина.

Он повернулся к Резнову.

— Садовницу — в одиночную камеру. Без испытаний до моего распоряжения. Серова лишить флейты вне прямого приказа. Ночные препараты отменить.

Ефросинья резко подняла голову.

— Без препаратов он не уснёт.

— Мне известно.

— Через двое суток начнётся потеря ориентации.

— Значит, будет заинтересован сотрудничать.

Тихон молчал.

Алёна шагнула к Нестерову.

— Его препараты не имеют отношения к моему решению.

— Теперь имеют.

Вот как полковник работал: наказывал не виновника, а другого человека и ждал, когда чувство вины сделает остальное.

— Я не изменю решение, — сказала Алёна.

— Посмотрим.

Флейту забрали у Тихона. Когда футляр закрыли, он на миг потерял равновесие. Едва заметно. Только ладонь легла на край ящика.

Резнов увидел и удовлетворённо улыбнулся.

— В следующий раз будете сговорчивее, — сказал он.

Тихон выпрямился.

— В следующий раз выберите землю без людей. Тогда хотя бы поймёте, что именно про-
веряете.

— Я проверяю вас.

— Тогда результат уже есть.

Резнов дёрнул цепь, заставляя его идти. Тихон не сопротивлялся. Перед тем как отвернуться, он посмотрел на Алёну. Никакой благодарности в этом взгляде не было. Только спокойное подтверждение: он услышал, что она не позволила ему одному принять наказание.

Алёну снова повели обратно к крепости.

У ворот она снова закашлялась. На этот раз боль прошла ниже, под рёбра. Ефросинья догнала их и остановила солдата.

— Подождите.

Она взяла Алёну за подбородок, заставила открыть рот и посветила маленьким фонарём.

— Серый налёт глубже, чем вчера.

— Зато плоть получилась очень мягкая.

— Не шутите.

Ефросинья провела пальцами по шее Алёны, прислушалась к дыханию и побледнела.

— Что? — спросила Алёна.

Лекарка посмотрела на Нестерова, который шёл в нескольких шагах позади.

Потом наклонилась ближе.

— Такие ожоги я уже видела.

— Где?

Ефросинья ещё раз послушала грудь. На этот раз дольше.

— Ожог идёт не только от пепла. В лёгких остался след некромантии Серова, будто его холод несколько раз проводили через ваше тело.

Алёна посмотрела на Тихона. Его уже вели к другой двери. Он не мог слышать разговор, но на секунду остановился, словно почувствовал взгляд.

— Вчера через меня действительно проходила его некромантия.

— Не так. Это накапливается. С каждым испытанием будет глубже.

— Вы видели такое у кого-то ещё?

Ефросинья отпустила её.

— После первого запуска.

— В Верне?

Лекарка едва заметно кивнула.

— Тогда скажите, что именно они строят.

— Не здесь.

— А где? В моей камере с двумя солдатами?

Ефросинья сжала губы. В её лице мелькнул страх — не за себя одну.

— Спросите меня, когда рядом не будет флейты и людей полковника.

Нестеров подошёл, и она сразу отступила ближе к молча ожидавшим солдатам.

— Что вы обнаружили? — спросил он.

— Усиление ожога. Ей противопоказана магия.

— Запишите дозировку поддерживающего состава.

— Я сказала не про дозировку.

— Я услышал.

Ефросинья больше ничего не добавила. Но Алёна уже поняла главное: первый запуск был не старой военной историей. Он повторялся сейчас — внутри неё.

Глава 5. Цена тишины

Тихон

Без препаратов ночь тянулась медленно.

Сначала Тихон слышал только тех, кто лежал под старым полем. Потом к ним добавились умершие в крепости. Солдаты, заключённые, двое врачей, несколько людей без имён. Голоса шли сквозь стены, мешали друг другу, требовали ответа.

Один солдат снова и снова просил снять сапог с раздробленной ноги. Женщина из старого лазарета звала дочь, которой давно не было в живых. Кто-то упрямо называл номер камеры и требовал воды. Тихон не знал этих людей, но к утру помнил каждую просьбу.

Раньше он умел отодвигать общий шум. Флейта собирала голоса в ровный строй, препараты притупляли края, сон возвращал ему собственные мысли. Теперь флейту забрали, лекарства отменили, а сон не приходил. Нестеров не просто наказывал его. Он проверял, сколько времени понадобится, чтобы чужая боль стала сильнее собственного решения.

Злата молчала.

Это было хуже её обвинений.

Тихон сидел на полу у двери. Койка находилась в трёх шагах, но лечь не имело смысла. Стоило закрыть глаза, как чужие последние минуты становились ярче. К тому же правый глаз и без того почти не различал темноту.

По коридору прошёл караульный.

Тихон дождался, когда шаги удалятся, и постучал в нижнюю часть двери. Один раз. Пауза. Ещё два.

Ответа не было.

После испытания Алёну поместили в одиночную камеру через две двери от него. Он слышал, как её привели. Слышал короткий спор с охраной. Потом кашель. К полуночи он стал тише.

Слишком тише.

— Злата, — сказал Тихон.

Она появилась у стены.

«Что?»

— Слышишь её?

«Я слышу тебя».

— Не притворяйся.

Злата отвернулась.

«Дышит. Плохо».

— Насколько?

«Я мертва, Тиша. Не лекарь».

Он закрыл глаза. Старое обращение ударило сильнее, чем голоса.

В конце коридора скрипнула дверь. Пришла ночная смена. Один солдат пожаловался на холод, второй сказал, что к утру подадут уголь. Потом они заговорили об испытании.

— Садовница сама испортила плетень, — сказал первый.

— Резнов говорит, Серов её прикрывал.

— За это ему капли отменили.

— И что?

— К утру начнёт слушать стены. К вечеру согласится на всё.

Тихон слушал стены уже сейчас. Соглашаться на всё не собирался.

В двери открылось маленькое окно. Караульный поставил кружку воды и миску с жидкой кашей. Рядом бросил два белых пакета.

— Ваши лекарства, генерал.

Тихон посмотрел на него.

— Нестеров отменил препараты.

— Эти оставил. Чтобы на ногах держались.

Солдат захлопнул окно.

Тихон развернул первый пакет. Обычные ночные капли Нестеров действительно отменил. Вместо них оставили порошок от тошноты и тёмную таблетку нейтрализатора — средство против некротического ожога. Ему давали такое после работы с большим полем. Оно уменьшало шум, снимало спазм сосудов и помогало лёгким выводить пепельный остаток.

Одна таблетка почти ничего не изменит для него.

Алёне могла дать несколько часов.

Оставалось доставить её через две запертые двери и одного караульного.

Тихон взял кружку и сделал глоток. Вода пахла железом. Потом прислонился затылком к стене и позволил голосам подойти ближе.

Он не любил делать это без флейты. С флейтой можно было задать направление и удерживать границу. Без неё приходилось договариваться с каждым голосом отдельно.

— Мне нужен шум в дальнем коридоре, — сказал Тихон.

Никто не ответил.

Он нашёл среди общего гула старого кладовщика, умершего возле угольного подвала. Тот при жизни ненавидел ночных караульных за воровство топлива. Даже после смерти продолжал считать мешки.

— Они снова полезли к углю, — сказал Тихон.

Голос сразу ожил.

«Третий мешок справа. Всегда третий».

— Проверь.

Кладовщик не двинулся.

«Ты мне приказываешь?»

Тихон сжал зубы. Без флейты мёртвые чувствовали каждое намерение. Он мог продавить волю старика, но тогда голос вернулся бы злее и громче.

— Нет. Предлагаю заняться тем, чем вы всё равно хотите заняться.

«А если там ничего нет?»

— Тогда всю ночь будете говорить мне, что я ошибся.

Это предложение кладовщику понравилось.

Холод прошёл по стене. В дальнем конце коридора что-то упало. Потом звякнуло ведро. Караульный выругался и побежал на звук. В левом глазу вспыхнули тёмные точки. Тихон моргнул, но они не исчезли.

Тихон не приказал духу напасть. Только направил туда, куда тот и сам хотел попасть. Разница была небольшой, но для него важной. Ещё недавно он не считал её важной вовсе. Тогда приказ был быстрее разговора, а результат оправдывал способ. Верна закончила эту привычку слишком поздно.

Окно в двери оставалось закрытым.

Он снял с кружки металлическую ручку, выпрямил её о край койки и просунул в щель. После казни пальцы иногда теряли чувствительность, но замок был простым. Нестеров полагался на внешнюю охрану, а не на качество тюремных дверей.

Через минуту окно открылось.

Тихон высунул руку с таблеткой.

До соседней камеры не дотянуться.

— Ефросинья Петровна, — сказал он негромко.

Шаги остановились за поворотом.

Лекарка появилась в коридоре с сумкой в руке. Вид у неё был такой, будто она не удивилась ни пустому посту, ни открытой кормушке.

— Я шла к вам, — сказала она.

— Тогда сэкономили время.

— Где караульный?

В угольном подвале снова грохнуло.

— Решает государственную задачу.

Ефросинья подошла ближе.

— Что у вас в руке?

— Нейтрализатор. Отдайте Алёне.

— Вам он тоже нужен.

— Мне нужна тишина. Таблетка её не даст.

— Она хотя бы замедлит потерю зрения.

— Одна — нет.

Ефросинья забрала препарат и второй раз спорить не стала. Значит, состояние Алёны действительно было плохим.

— Нестеров запретил полную диагностику, — сказала она. — Разрешил только поддерживающий состав.

— Почему?

— Потому что результаты ему уже известны.

Тихон поднялся. Голова сразу закружилась. Пришлось опереться ладонью о дверь.

— Какие результаты?

Ефросинья посмотрела на поворот коридора.

— Не здесь.

— Другого места у нас пока нет.

Она сжала таблетку в кулаке и пошла к камере Алёны. Тихон видел только её серую фигуру и свет фонаря на стене.

— Дверь запечатана, — предупредил он.

— У лекарей есть ключи.

— Тогда почему вы не пришли раньше?

Ефросинья остановилась.

— Потому что у лекарей есть внуки.

Она сказала это тихо, но не настолько, чтобы он не услышал.

Тихон не стал спрашивать. Ещё один заложник Нестерова. Ещё один человек, которого полковник держал не цепью, а чужой жизнью.

Ключ повернулся. Дверь Алёны открылась.

— Не входите, — донёсся её хриплый голос. — Я заразная. Особенно для военных планов.

— Откройте рот, — сказала Ефросинья.

— Уже открывала. Ничего хорошего не вышло.

— Алёна Дмитриевна.

После короткой паузы стало тихо. Потом Алёна закашлялась. Тихон сжал край кормушки. Он не видел, что происходит, зато слышал каждый вдох.

— Таблетка под язык, — распорядилась Ефросинья. — Не глотать сразу.

— Откуда она?

— Из запасов Серова.

— Верните.

— Поздно.

— Ему нужнее.

Тихон сказал через коридор:

- Перестаньте спорить с лекарем.
- Не командуйте из другой камеры.
- Это просьба.
- Очень плохо замаскированная.
- Я потренируюсь.
- На ком-нибудь другом.

Тихон прислонился виском к двери. Даже сейчас она находила силы спорить. Это означало, что препарат ещё не понадобился слишком поздно.

- Таблетка не вернёт мне зрение, — сказал он. — А вам может сохранить лёгкие.
- Откуда вы знаете?
- Принимал после больших полей.
- И сколько у вас таких таблеток?
- Была одна.

В камере стало тихо.

- Вы не обязаны были отдавать, — сказала Алёна уже без привычной колкости.
- Знаю.
- И я не обязана благодарить.
- Тоже знаю.
- Тогда договорились.

Ефросинья фыркнула.

— Удивительные люди. Один отдаёт последнее лекарство, вторая делает вид, что это спор о правилах. Держите таблетку и молчите хотя бы минуту.

Некоторое время слышалось только дыхание Алёны. Постепенно свист в груди стал слабее.

Тихон позволил себе опуститься на пол.

Караульный скоро вернётся. Нужно было узнать главное до этого.

— Ефросинья Петровна, — позвал он. — Вы сказали, что видели такие ожоги после первого запуска.

В камере Алёны что-то звякнуло. Наверное, лекарка поставила инструмент.

- Слышали? — спросила она.
- Коридор тихий.
- Благодаря вам.
- Ненадолго.

Ефросинья вышла из камеры, но дверь оставила открытой. Встала между ними так, чтобы видеть оба поворота.

— После Верны к нам привезли семнадцать человек, — сказала она. — Все работали внутри защитной системы. Садовники, техники, двое некромантов, солдаты охраны.

- Вы лечили их?
- Пыталась.

Алёна заговорила из темноты:

- У них были такие же ожоги?
- У садовников — да. Сначала кашель, потом серые полосы в горле. Чем чаще через них проводили чужую магию, тем глубже обжигало лёгкие.

Тихон вспомнил людей после первого запуска. Их держали в отдельном лазарете. Его туда не пустили. Нестеров сказал, что все умерли на месте.

— Почему вы молчали одиннадцать лет? — спросил он.

Ефросинья посмотрела на него.

— Потому что первый год верила, что катастрофу расследуют. Второй — что проект закрыт. Потом появился Павел, и у меня стало что терять.

— Павел — ваш внук? — спросила Алёна.

— Да. Ему пятнадцать. Работает санитаром в нижнем лазарете.

— Добровольно?

Ефросинья посмотрела на Тихона.

— В крепости это слово используют редко.

— Нестеров держит его здесь из-за вас, — сказал Тихон.

— А меня из-за него. Удобная система.

Алёна тихо выругалась.

— Значит, вы знали, что нас заманивают, и всё равно молчали.

— Знала, что ищут садовницу. Не знала, кого приведут и когда.

— Это должно помочь?

— Нет. Я не прошу меня оправдывать.

Ответ прозвучал спокойно, но Ефросинья сжала ремень сумки так, что побелели пальцы.

Тихон запомнил это для себя. Человек, который не требует прощения, иногда ещё способен сделать что-то полезное.

— Павел видел документы? — спросил он.

— Он носит журналы между палатами. Видит больше, чем должен, и понимает меньше, чем думает.

— Значит, уже в опасности.

— Он был в опасности с того дня, когда я отказалась подписать новый протокол.

В дальнем коридоре послышались шаги. Караульный возвращался, ругая кладовщика, уголь и весь загробный мир.

Ефросинья быстро закрыла сумку.

Тихон не хотел отпускать её без ответа.

— Нынешняя установка устроена так же?

— Основа та же. Тогда корни должны были принять на себя магический удар и отвести его от города. Теперь Нестеров хочет собрать силу внутри крепости и направить её наружу.

— Глушитель, — сказала Алёна.

— Так он его называет.

— Что будет, если установка заработает?

Ефросинья посмотрела в сторону шагов.

— Магия замолчит на большой территории.

— Это его цель, — сказал Тихон.

— Не только магия.

Караульный появился за поворотом. Увидел открытую дверь, лекарку и руку Тихона в кормушке.

— Что здесь происходит?

Ефросинья даже не вздрогнула.

— У пациентки приступ. Я оказываю помощь.

— Полковник запретил диагностику.

— Я не диагностирую. Я не даю ей умереть до утреннего испытания. Можете доложить именно так.

Караульный замаялся. Спорить с лекарем ему явно не хотелось.

Ефросинья закрыла дверь Алёны и вернулась к Тихону. Перед тем как захлопнуть кормушку, наклонилась ближе.

— Вы оба думаете, что Нестеров хочет соединить ваши дары, — сказала она. — Это только начало.

— Что ему нужно?

— Корни.

Из камеры Алёны донёлся слабый кашель.

Ефросинья повысила голос, чтобы слышали оба:

— Алёна Дмитриевна, что бы он ни обещал, никогда не позволяйте соединить ваши корни с гарнизоном.

Караульный нахмурился.

— Какие ещё корни?

— Медицинский термин, — сухо ответила лекарка.

Она ушла, не объяснив больше ничего.

Тихон остался у двери. Голоса возвращались один за другим. Кладовщик сердито считал мешки. Злата снова стояла у стены. На этот раз её лицо было серьёзным, без привычной насмешки. Даже общий шум вокруг неё на несколько очень долгих секунд стал тише.

Он попытался понять, зачем корневой системе нужен гарнизон. Корни проводили силу живого, а некромантия поднимала силу мёртвых. Когда эти две силы сталкивались, установка теряла устойчивость. Нестеров собирался подключить к ней солдат, чтобы их тела приняли перегрузку.

Гарнизон должен был стать не защитой установки, а её живым запасом. Нестеров назвал бы это страховкой. Потом подготовил бы приказ, в котором ни разу не появилось бы слово «жертва».

Тихон почувствовал знакомую тошноту. Так начиналась Верна: с правильных терминов, аккуратных схем и обещания, что живые понадобятся лишь на несколько минут.

«Она сказала правду», — произнесла сестра.

— Какую часть?

«Про гарнизон».

Из соседней камеры кашель больше не доносился. Тихон не знал, стало ей легче или она просто уснула от слабости. Таблетка помогла, но ненадолго. До утра ей нужен был врач, а утром Нестеров наверняка снова потребует испытание.

Тихон смотрел на тёмный коридор и понимал: Нестеров строил не просто оружие из двух магов. Он собирался питать его жизнями всего гарнизона.

Глава 6. То, что помнит Злата

Алёна

Утром Алёне вернули голос, но не силы.

Говорить она могла. Дышать глубоко — нет. Ефросинья велела не торопиться, поставила на стол кружку горячей воды и осталась рядом, пока Алёна не выпила половину.

— Сегодня будет испытание? — спросила Алёна.

— Будет.

— Вы можете запретить?

— Могу написать запрет. Потом Нестеров положит его в папку с остальными.

— Очень полезная должность.

— Я стараюсь.

Ефросинья забрала кружку и проверила пульс. На её запястье темнел свежий синяк, будто кто-то недавно держал слишком крепко.

— Павел в нижнем лазарете? — спросила Алёна.

Лекарка подняла глаза.

— Не называйте его имя при охране.

— Здесь никого нет.

— Здесь всегда кто-нибудь есть.

Она посмотрела на вентиляционную решётку под потолком. Алёна не стала спорить.

Пока Ефросинья собирала инструменты, Алёна успела задать ещё один вопрос:

— Злата чувствует боль?

Лекарка застегнула сумку.

— Я не специалист по мёртвым.

— Но вы видели испытания.

— Видела людей после них. Этого достаточно.

— Это не ответ.

— Другого у меня нет. Спросите Серова. Только не при Нестерове.

До комнаты испытаний их вели одним коридором, но на расстоянии. Тихон шёл впереди. Сегодня он держался ближе к правой стене и дважды проверил носком край ступени, прежде чем спуститься. Алёна заметила, что охранник за цепью намеренно дёргает её на поворотах.

— Осторожнее, — сказала она.

Солдат посмотрел на неё.

— Он и так знает дорогу.

— Знать и видеть — разные вещи.

Тихон не обернулся.

— Не тратьте на него силы, — сказал он.

— Я трачу их на себя. Раздражение помогает не заснуть.

У двери их на минуту оставили рядом, пока лаборанты готовили зал.

— Ефросинья сказала спросить вас, — тихо начала Алёна. — Злата чувствует боль, когда вы удерживаете её?

Тихон долго не отвечал.

— Я чувствую её сопротивление.

— Это не то же самое.

— Нет.

— А когда она просит отпустить?

— Раньше почти не просила.

— Потому что доверяла?

— Потому что я редко оставлял ей выбор.

Он сказал это без привычной сухой защиты. Алёна не успела ответить: дверь открылась, и их развели по стульям.

Через несколько минут дверь открыли. Сегодня её повели не в лабораторию и не во двор, а в маленькую комнату без окон. В центре стояли два стула. Между ними — низкий стол с медной пластиной. За стеклом уже ждали Нестеров и двое лаборантов.

Тихона привели следом.

Правый глаз у него почти не двигался. Левым он посмотрел на Алёну, потом на Ефросинью у двери.

— Вам дали лекарство? — спросил он.

— Ваше.

— Я помню.

— Тогда зачем спрашиваете?

— Хотел убедиться, что вы его не выплюнули из принципа.

— Я умею быть разумной. Иногда.

— Это обнадеживает.

Охранник заставил его сесть. Руки оставили скованными, но цепь к полу сегодня не крепили. Флейту в комнату не принесли.

Нестеров включил переговорную трубку.

— Цель опыта — проверить, сможет ли Веркина долго видеть и слышать одного мёртвого, пока медная пластина соединяет её с Серовым.

— Человека, — сказала Алёна.

— Остатка.

— У неё есть имя.

Нестеров не ответил. Лаборант за стеклом сделал запись.

Тихон положил скованные руки на стол.

— Без флейты я смогу удержать её недолго.

— Этого достаточно, — сказал Нестеров. — Нам нужен один подтверждённый фрагмент памяти.

Алёна села напротив.

— Какой?

— Первый запуск. Момент закрытия эвакуационных выходов.

Тихон резко повернулся к стеклу.

— Вы уже знаете, что они были закрыты.

— Я знаю, что в отчёте указана неисправность.

— А теперь хотите, чтобы мёртвая женщина подтвердила удобную версию?

— Я хочу данные.

— Вы хотите послушание от тех, кто уже умер.

Нестеров чуть склонил голову.

— Вы одиннадцать лет обеспечивали именно это.

Алёна посмотрела на Тихона. Он не ответил. Только разжал пальцы и положил ладони на медную пластину.

— Решайте, — сказал он ей. — Я не буду начинать без вашего согласия.

Нестеров помрачнел.

Алёна придвинула стул ближе. После первых опытов от одного вида меди хотелось кашлять, но сегодня она удержалась.

— Только Злата, — сказала она. — Никого другого.

— Только Злата.

— И если она попросит остановиться, мы прекращаем.

— Да.

— Даже если полковник решит иначе.

Тихон посмотрел прямо на неё.

— Особенно тогда.

Алёна положила руку на пластину рядом с его ладонью, оставив между пальцами несколько сантиметров.

Сначала ничего не произошло.

Металл постепенно остыл до температуры камня в глубоком погребе. За спиной Алёны кто-то тихо вдохнул.

Она не обернулась.

— Злата, — сказал Тихон.

Воздух над столом дрогнул, и в нём проступила верхняя половина женской фигуры: лицо, плечи и руки до локтей. На ней был светлый медицинский фартук с тёмным пятном на левом рукаве. Волосы убраны под косынку, несколько прядей прилипли ко лбу.

Злата смотрела на брата.

Сегодня она выглядела яснее, чем в первый раз. Алёна различила тонкую царапину на щеке и пуговицу, пришитую к фартуку чёрной ниткой. Такие мелочи делали её не видением, а человеком, который когда-то торопился на смену, ругался из-за плохого шва и, возможно, собирался вечером домой.

— Ты плохо держишься, — сказала Злата Тихону.

— Это взаимно.

— Я мёртвая. У меня есть оправдание.

— Ты никогда им не пользовалась.

— Потому что ты пользовался за двоих.

Тихон сжал пальцы, но не спорил.

Алёна поняла, что случайно получила доступ к разговору, который длился между ними много лет. В нём смешались семейная любовь, вина и злость; отделить одно от другого уже было невозможно.

— Я не хочу заставлять вас вспоминать, — сказала Алёна. — Но мне нужно понять, кто закрыл двери.

Злата перевела взгляд на неё.

— Чтобы решить, можно ли доверять ему?

— Чтобы решить, кого надо остановить.

— Это разумнее.

— Спасибо.

— Я не говорила, что вы разумная. Только вопрос.

— Опять привёл меня в их комнату.

Голос Алёна слышала не ушами. Он возник прямо внутри общего холода.

— Я не привёл, — сказал Тихон. — Я попросил.

— У мёртвых это одно и то же.

Алёна медленно выдохнула. От чужого голоса в голове хотелось отодвинуться, но она осталась.

— Злата, меня зовут Алёна.

— Я знаю.

— Откуда?

— Он думает о вас громче, чем хотел бы.

Тихон нахмурился.

— Не выдумывай.

— Я умерла, а не потеряла чувство смешного.

Алёна едва не улыбнулась. За стеклом Нестеров постучал пальцем по часам.

— Спросите про эвакуацию.

Злата повернула голову к стеклу. Лицо сразу изменилось.

— Он всё ещё там.

— Кто? — спросила Алёна.

— Тот, кто приказал закрыть двери.

Нестеров подался ближе к переговорной трубе.

— Уточните время и место.

Злата отшатнулась, будто услышала удар.

Тихон закрыл глаза.

— Смотри на меня, — сказал он сестре.

— Не хочу.

— Тогда на Алёну.

Злата посмотрела на неё.

Алёна чувствовала, что Злата остаётся видимой только благодаря усилию Тихона. Он не приказывал сестре говорить, но не давал её образу раствориться среди других мёртвых. Под его ногтями побелела кожа, левый глаз начал слезиться.

— Мы были в нижнем лазарете, — сказала Злата. — Внесли последних раненых. Потом зажглись красные лампы. Двери закрылись.

Холод от медной пластины усилился, и Алёна увидела коридор из памяти Златы. Он был узким и переполненным: раненые лежали прямо на полу, кто-то бил кружкой по металлической двери, над ними мигали красные лампы.

— Кто отдал приказ? — спросила Алёна.

Злата подняла руки к ушам.

— Голос из трубы.

— Чей голос?

— Я знала его.

— Назови.

Злата открыла рот, но вместо ответа Алёна слышала другой голос. Спокойный, мужской, без крика:

«Выходы закрыть. Персонал оставить внутри контура».

Голос потянул за собой продолжение воспоминания. Над дверью мигала красная лампа, у стены лежали опрокинутые носилки. Молодой санитар с окровавленным рукавом дёргал ручку аварийного выхода, но замок не поддавался. Снаружи кто-то бил в металлическую дверь.

Злата пробежала между ранеными к переговорной трубе.

— В нижнем лазарете больше сорока человек! — кричит она. — Откройте шлюз!

Ответ приходит не сразу.

«Оставайтесь на местах. Разрыв контура погубит город».

— Город уже горел, — прошептала Злата в комнате испытаний. — Мы видели свет через вентиляцию.

Страх Златы ощущался как холодная вода за воротом, но Алёна понимала, что он чужой. Злата знала: приказ лжёт, хотя доказать это не могла. Она всё равно переносила раненых от дальней стены к центру, где воздух оставался чище.

— Вы видели Нестерова у пульта? — спросила Алёна.

— Нет. Только слышала.

— Кто ещё слышал?

— Все, кто был жив.

— Кто-нибудь выбрался?

Злата посмотрела мимо неё, туда, где красный коридор исчезал в темноте.

— Не через двери.

Её лицо дрогнуло. Воспоминание стало тянуть сильнее, чем сама комната. Тихон наклонился вперёд.

— Злата, вернись.

— Там осталась девочка, — сказала она. — Я обещала вернуться за ней.

— Это память.

— Для тебя.

Алёна увидела, как Тихон почти незаметно усилил удержание. Злата поморщилась.

— Не надо, — сказала Алёна.

— Если отпущу сейчас, мы потеряем фрагмент.

— Тогда потеряем.

За стеклом Нестеров включил переговорную трубу:

— Продолжать.

Злата подняла глаза на Алёну.

— Остановите.

У Алёны похолодела спина. Голос был Нестерова.

За стеклом никто не пошевелился.

— Это запись памяти, — сказал полковник. — Она может быть искажена.

Злата дёрнулась.

Коридор вокруг неё вспыхнул красным. Люди закричали. Тихон сжал край стола.

— Хватит, — сказал он.

Нестеров нажал рычаг.

Медная пластина загудела. Злата стала ярче, а Тихон резко втянул воздух.

— Ещё один вопрос, — потребовал Нестеров. — Кто находился у главного пульта?

— Остановите, — сказала Злата.

Алёна сразу убрала руку.

Медная пластина обожгла ладонь холодом, когда связь порвалась. Алёна отдернула пальцы и на секунду перестала слышать всё вокруг. Потом вернулись обычные звуки: тяжёлое дыхание Тихона, скрип стула, сердитый голос лаборанта.

Тихон не попытался вернуть Злату. Он просто отпустил поле. Это стоило ему заметного усилия: плечи опустились, левая рука задрожала, на ресницах выступила влага. Но сестра исчезла сразу, без второго рывка.

Холод оборвался. Злата исчезла. Тихон качнулся вперёд, но удержался на стуле.

— Возобновить контакт, — приказал Нестеров.

— Нет.

— Вы получили неполный фрагмент.

— Она попросила остановиться.

— Это остаток памяти, а не участник договора.

Алёна встала.

— Тогда допрашивайте свои остатки сами.

Охранники вошли прежде, чем она успела сделать шаг. Один схватил её за плечо. Тихон поднялся следом.

— Не трогайте её, — сказал он.

— Сядьте, Серов.

— Мы закончили.

В голосе не было угрозы, но охранник всё равно отпустил Алёну.

Нестеров вышел из-за стекла. Подошёл к столу и посмотрел на медную пластину, словно именно она подвела его.

— Испытание признано неудачным. Следующая проверка — завтра утром.

Ефросинья вмешалась:

— Им нужен день восстановления.

— У них была ночь.

— Ночь не лечит ожог лёгких и повреждение зрения.

— Тогда следите, чтобы к утру состояние было рабочим.

Нестеров ушёл.

Ефросинья подошла к Тихону, посветила маленькой лампой в глаза и велела следить за пальцем. Правый глаз почти не отозвался. Левый двигался, но медленно.

— В лазарет, — сказала она.

— Сначала Алёну, — ответил он.

— У неё ожог ладони, у вас зрение.

— Она разорвала контур первой.

— И поэтому получит повязку первой, если вам так важно соблюдать очередь.

Алёна протянула руку лекарке. На коже оставался белый след от медной пластины. Боль была терпимой, но пальцы плохо сгибались.

— Завтра этим работать нельзя, — сказала Ефросинья.

— Передайте полковнику.

— Он только что стоял здесь.

— Тогда напишите крупнее.

Ефросинья перевязала ладонь и тихо добавила:

— Голос в памяти — уже доказательство для вас. Для суда его будет мало.

— Сначала нужно дожить до суда, — сказала Алёна.

Алёну и Тихона повели обратно. В коридоре он несколько раз задел плечом стену. Она замедлила шаг, но не предложила руку. Пока не предложила.

У камер охрана остановилась, проверяя замки.

— Вы слышали голос? — спросил Тихон.

— Да.

— Уверены, что это был Нестеров?

— Уверена.

Он кивнул. На лице не появилось облегчения. Скорее наоборот.

— Злата никогда раньше не просила меня отпустить её во время памяти, — сказал он.

— Потому что раньше вы не отпускали?

Тихон помолчал.

— Потому что раньше я считал, что цель важнее.

Алёна посмотрела на него. Никакого оправдания. Просто факт, который ему самому не нравился.

— Сегодня вы отпустили.

— Вы первая убрали руку.

— Но вы не стали удерживать её один.

Охранник открыл камеру Алёны.

— Заходите.

Она уже переступила порог, когда Тихон сказал:

— Спасибо.

Алёна обернулась.

— За что?

— За то, что слышали её, а не только ответ.

Дверь закрылась между ними.

Алёна села на койку и прижала ладони к коленям. В ушах ещё стоял голос из красного коридора.

«Выходы закрыть. Персонал оставить внутри установки».
Теперь у неё было не обвинение Златы и не признание Тихона.
У неё был голос Нестерова.
И он только что назначил следующий опыт на утро.

Глава 7. Неправильный рост

Алёна

На следующее утро Нестеров решил проверить, как быстро она умеет выращивать корни.

Алёна решила проверить, как плохо он знает почву.

Её снова привели в теплицу. После первой встречи помещение успели привести в порядок. Разбитые горшки убрали, трещину в полу залили раствором, центральную грядку окружили металлической решёткой. Росток, появившийся в первый день, пересадили под стеклянный колпак.

Он вырос на два пальца.

Алёна подошла ближе, но Резнов преградил дорогу.

— Не трогать.

— Это моё растение.

— Оно выросло на военном объекте.

— Значит, теперь тоже служит государству?

— Если понадобится.

Алёна посмотрела на тонкий стебель. Листья были бледными, но живыми. В прозрачной земле под колпаком виднелся один длинный корень.

Его уже обмотали медной нитью.

— Вы его убьёте, — сказала она.

— Тогда вырастите другой.

Резнов указал на три ящика у стены. В каждом лежала одинаковая почва, одинаковые семена и трубка полива. Рядом стояли весы, часы и два лаборанта.

Тихона привели позже. Сегодня его оставили у двери, будто он был не участником, а опасным инструментом, который может понадобиться в любой момент. Флейту Резнов держал при себе в закрытом футляре.

— Задача простая, — сказал капитан. — Три одинаковых образца. Вы запускаете рост. Мы измеряем скорость и длину корней.

— Без Серова?

— Начнёте без него.

— Тогда зачем он здесь?

— Чтобы вы не забывали о последствиях отказа.

Тихон не отреагировал. Только повернул голову к голосу Резнова.

Алёна подошла к ящикам.

Прежде чем касаться земли, она медленно обошла стол. Лаборанты считали это нерешительностью. Резнов — попыткой потянуть время. На самом деле Алёна искала мелкие различия, которые военные не замечали.

Первый ящик стоял ближе к трубе отопления. Во втором вода собиралась у правой стенки — дно было наклонено. Третий наполнили почвой из нового мешка, и в ней попадались белые крупинки извести. Одинаковыми образцы были только в отчёте.

— Температуру измеряли? — спросила Алёна.

— В помещении двадцать градусов, — ответил лаборант.

— В помещении. А в ящиках?

Он нахмурился.

— Разница несущественна.

— Для вас. Семя не читало инструкцию.

Она попросила три тонкие деревянные палочки и воткнула в землю на разную глубину. Через минуту вынула. Одна была влажной до середины, другая почти сухой, третья пахла известью.

Резнов наблюдал молча. Ему хотелось поймать её на прямой лжи, но Алёна давала только проверяемые факты. Это раздражало капитана сильнее открытого отказа.

— Исправляйте условия, — сказал он наконец. — Но каждый шаг записывается.

— Записывайте даже выражение моего лица. Вдруг пригодится армии.

Семена были не её. Военный запас — крупнее, чище, почти одинакового размера. Их наверняка сортировали годами. Если Нестеров собрал столько белой акации, то готовил проект задолго до её ареста.

Она проверила почву. Та была одинаково рыхлой во всех ящиках, а воды в каждый налили до одной отметки. Военные заранее убрали естественные различия, чтобы получить удобные для расчёта цифры.

Алёна не могла отказаться. После вчерашнего Нестеров наверняка ждал любого открытого сопротивления. Значит, придётся дать ему результат, которому нельзя доверять.

На рабочем столе стояли банки с удобрениями и средствами для очистки труб. Алёна прочитала этикетки: известь, селитра, раствор железной соли и кислота для удаления налёта.

Резнов заметил её взгляд.

— Всё необходимое уже добавлено.

— Для ваших расчётов — возможно. Для растения — нет.

— Чего не хватает?

— Проверю.

Она взяла стеклянную палочку, смочила в почве и коснулась полоски индикаторной бумаги. Бумага стала зелёной.

— Слишком щелочная, — сказала Алёна.

— Вчера лаборатория признала состав подходящим.

— Тогда пусть лаборатория выращивает.

Один из лаборантов недовольно поджал губы. Резнов кивнул на банки.

— Исправляйте.

Именно этого Алёна и ждала.

Она добавила кислый раствор в первый ящик. Совсем немного — чтобы рост пошёл, но медленно. Во второй влила больше и сразу разбавила водой. В третий сначала внесла известь, потом кислоту. На бумаге всё выглядело почти одинаково, но внутри почвы образовались разные слои.

Лаборанты записывали каждое движение. Алёна называла количества честно. Только не объясняла, что корни почувствуют смесь иначе, чем их бумажная полоска.

— Начинайте, — сказал Резнов.

Алёна положила ладони на первый ящик.

Сегодня в земле не было человеческого пепла, поэтому дар отозвался мягко. Под пальцами Алёна почувствовала три семени. Их оболочки набухли от воды, треснули, и первые корешки потянулись вниз.

Алёна остановилась раньше, чем могла.

— Почему так медленно? — спросил лаборант.

— Потому что быстро бывает только в отчётах.

— В первый день растение появилось за минуты.

— В первый день под теплицей лежали мёртвые. Хотите повторить условия?

Лаборант промолчал.

Во втором ящике корни пошли чуть быстрее, но свернули в сторону, обходя кислый слой. В третьем один росток появился на поверхности и замер.

Лаборант поставил рядом линейку.

— Три сантиметра за две минуты.

— Два с половиной, — поправила Алёна. — Вы меряете от края трещины, а не от семени.

— Разница небольшая.

— Тогда зачем вам вообще цифры?

Он молча передвинул линейку.

Алёна перешла ко второму ящику. Там корень наткнулся на слишком кислый слой и разделся надвое. Один отросток пошёл вдоль поверхности, другой замер. Для обычного садовника это была проблема. Для Алёны — доказательство, что растение не подчиняется одной силе. Оно выбирает, ошибается, ищет обход.

— Увеличьте поток, — велел Резнов.

— Тогда корень сгорит.

— Вчера вы удерживали больше.

— Вчера под нами была могила. Сегодня семя питается водой и почвой.

— Результат должен быть сравнимым.

— Сравните лошадь с печью. Обе тёплые.

Тихон тихо кашлянул у двери. Алёна поняла, что он скрывает смех.

Резнов подошёл к третьему ящику и сам опустил палец в землю.

— Здесь влажно.

— Сверху.

— Добавьте воды.

— Нельзя.

— Это приказ.

Алёна взяла кружку, но вылила воду не у ростка, а вдоль стенки. Влага ушла вниз и растворила слой извести. Почва зашипела. Лаборант отшатнулся.

— Что вы сделали?

— Выполнила приказ. Теперь подождём, пока среда успокоится.

— Сколько?

— Несколько часов.

Резнов посмотрел на часы.

Алёна сохранила серьёзное лицо. Именно этих часов у него не было.

Резнов подошёл ближе.

— Вы что-то изменили.

— Конечно. Вы сами разрешили исправить почву.

— Все образцы должны были быть одинаковыми.

— Для вас они одинаковые. Для корня — нет.

— Объясните.

— Кислотность меняется не только на поверхности. Вода уходит вниз, соли остаются слоями. Корень выбирает путь, где может жить.

Она сказала правду, но скрыла главное: состав почвы заставит корни вести себя по-разному.

Резнов приказал лаборантам взять пробы. Пока они возились с ложками и трубками, Алёна перешла к ростку под колпаком.

— Я сказала не трогать, — напомнил капитан.

— Вы сказали, что я должна показать повторяемый результат. Этот вырос в той же теплице. Значит, входит в опыт.

Она наклонилась к стеклу. По медной нити уже шёл слабый ток. Корень под ней потемнел.

— Снимите провод.

— Нет.

— Тогда через день он погибнет, и вы потеряете единственный нормальный образец.

Резнов колебался. За его спиной Тихон чуть повернул голову. Алёна поняла, что он слушает не их, а замки и шаги за стеной.

— Снять на время осмотра, — приказал Резнов.

Лаборант открыл колпак и отсоединил нить.

Алёна коснулась земли одним пальцем. Росток был слаб, но держался. Она дала ему совсем немного силы — не для роста, а чтобы корень закрыл повреждённое место.

В этот момент Тихон сказал:

— Слева.

Алёна не поняла, кому он говорит. Через секунду дверь теплицы открылась, и вошёл Нестеров.

Резнов повернулся слишком поздно.

Полковник осмотрел ящики, записи и снятую медную нить.

— Результат?

— Нестабильный, — ответил Резнов. — Она изменила состав почвы.

— С вашего разрешения?

Капитан сжал челюсть.

— Да.

Нестеров подошёл к Алёне.

— Вы утверждаете, что скорость зависит от кислотности?

— И от воды, температуры, состояния семени, глубины посадки и того, насколько сильно вы уже испортили землю.

— Но дар способен ускорить рост.

— Способен помочь живому. Не заменить всё остальное.

Нестеров посмотрел на три разных результата. Он не мог доказать саботаж, потому что Алёна не сделала ничего невозможного. Именно поэтому её маленькая победа не принесла радости.

Полковник просто сменил способ давления.

Он прошёл между ящиками и остановился у третьего. Лаборант показал записи. Нестеров прочитал их внимательно, без раздражения.

— Значит, вы утверждаете, что повторяемость невозможна без контроля всех условий?

— Я утверждаю, что растения живые.

— Всё живое подчиняется условиям.

— Да. Но не всегда тем, которые вы выбрали.

Полковник провёл пальцем по краю ящика.

— Мы создадим одинаковую среду.

— Тогда получите одинаковую ошибку.

Он посмотрел на неё так, будто занёс ответ в отдельную графу.

— Вы слишком уверены, что без вас проект остановится.

— А вы слишком уверены, что любую жизнь можно заменить расчётом.

На мгновение стало тихо. Потом Нестеров кивнул человеку у двери. Алёна ещё не знала, что именно он решил, но уже поняла: спор она выиграла только на сегодняшнем столе.

— Перенести личные вещи Веркиной в отдельное хранилище, — приказал он.

Алёна повернулась к нему.

— Какие вещи?

— Пакет семян и мешочек с прахом.

— Прах моей матери не имеет отношения к опыту.

— Всё, что влияет на вашу готовность сотрудничать, имеет отношение к опыту.

Она шагнула вперёд. Охранник сразу взялся за винтовку.

Тихон сказал спокойно:

— Если повредите прах, она больше не станет работать даже под угрозой.

Нестеров посмотрел на него.

— Вы хорошо изучили её за неделю.

— Вы плохо изучили людей за всю жизнь.

Резнов открыл футляр с флейтой. Предупреждение было понятным.

Алёна заставила себя остановиться.

— Куда вы их перенесёте?

— Туда, где они останутся целы.

— Это не ответ.

— Другого не будет.

Испытание закончили. Алёну вывели первой. В коридоре она шла быстро, чтобы не видеть довольного лица Резнова. Злость мешала дышать, а кашлять при них она не хотела.

Тихона догнали у лестницы. Его вели сзади, но на повороте охрана смешалась, и он оказался рядом.

— Не сейчас, — тихо сказал он.

— Я ничего не делаю.

— Вы собираетесь спросить, куда их унесли.

Алёна посмотрела на него.

— Знаете?

— Слышал замок тележки и две двери.

— И что это даёт?

— Первая дверь — северный архив. Вторая — внутреннее хранилище рядом с ним.

— Вы уверены?

— Я работал здесь до того, как Нестеров решил меня казнить.

Тихон ступил мимо края лестницы. Алёна поймала его за локоть. Он сразу остановился, но не вырвался.

Контакт длился мгновение. Достаточно, чтобы она почувствовала резкую боль за его правым глазом.

Алёна отпустила.

— Простите.

— За то, что не дали мне упасть?

— За контакт без предупреждения.

— В следующий раз можете сначала спросить. Желательно до лестницы.

Она фыркнула.

Охранник сзади велел им идти быстрее.

Перед тем как их развели по разным коридорам, Тихон наклонился ближе.

— Хранилище открывается старым генеральским кодом.

— У вас он есть?

— Пока Нестеров не вспомнил его отменить.

Алёна посмотрела на его почти неподвижный правый глаз.

— И что вы собираетесь делать?

— Вернуть то, что принадлежит вам.

Двери между ними закрылись.

В камере Алёна первым делом проверила подкладку куртки. Пусто. Нестеров не солгал: личные вещи действительно забрали из общего хранения. До этого они хотя бы находились в пределах обычного склада. Теперь каждый предмет стал отдельной приманкой.

Она села на койку и попыталась восстановить путь по словам Тихона: северный архив, первая дверь, затем внутреннее хранилище. Старый генеральский код. Несколько охранных постов. Слепнувший человек, который собирается идти туда ради её вещей.

План был плохим.

Но впервые с момента ареста у них появился не только запрет и ответ на чужой приказ, а собственное действие.

Прежде чем стучать, она достала из кружки деревянную ложку и нарисовала водой на полу три прямоугольника: теплица, северный архив, внутреннее хранилище. Между ними провела линии. Путь получался коротким только на схеме. В настоящей крепости были лестницы, караулы и двери, которые Тихон теперь видел хуже с каждым днём.

Она стёрла рисунок ногой. Охране не стоило находить даже такую карту. На всякий случай она ещё раз провела подошвой по влажному камню, пока от линий не осталось ничего. Даже слабый след мог стать для Нестерова готовым признанием.

Алёна постучала в стену три раза.

Тихон ответил одним.

Она постучала ещё дважды — их старое «вы сегодня особенно разговорчивы?».

За стеной после паузы раздались два удара.

Значит, он понял. И пока ещё мог позволить себе шутку.

Глава 8. Слепок

Тихон

На восьмой день Тихона снова посадили перед стеклом.

Он уже начинал ненавидеть лаборатории больше, чем поля боя. На поле хотя бы было понятно, кто хочет тебя убить. Здесь люди улыбались, проверяли шкалы и называли смерть погрешностью.

Алёна сидела в соседнем кресле. Между ними стоял ящик с молодыми корнями. От него к стене тянулись две трубки: одна подавала воду, вторая уходила в прозрачный фильтр.

Тихон видел её как светлое пятно на фоне тёмной стены. Лицо различал, только когда она поворачивалась к лампе. Зато слышал хорошо: дыхание стало ровнее, кашель появлялся реже, но после каждого она делала паузу, словно проверяла, хватит ли воздуха на следующую фразу.

— Три человека за стеклом, — сказала Алёна негромко. — Нестеров, старший лаборант и кто-то новый.

— Женщина или мужчина?

— Мужчина. Молодой. Смотрит на фильтр так, будто собирается жениться.

— Значит, инженер.

— Почему?

— Только инженеры способны так смотреть на устройство, которое ещё ни разу не работало.

Алёна тихо усмехнулась.

Резнов заметил разговор.

— Молчать.

— Мы обсуждаем ваше оборудование, — сказала Алёна.

— Тем более молчать.

Тихон положил руки на подлокотники. После вчерашней памяти Златы в голове оставался красный коридор. Нестеров приказал закрыть людей внутри. Теперь строил новую систему и снова собирал остатки чужой силы. Разница была только в чистоте лаборатории.

Вчера Нестеров не добился нужной скорости роста. Сегодня он собирался пропустить воду и землю через фильтр, чтобы удержать в нём часть магического следа Алёны.

— Это обычный фильтр? — спросила Алёна.

— Обычный, — ответил лаборант. — Удерживает минеральный осадок.

Тихон услышал, как она провела ногтем по стеклянной колбе.

— Тогда почему внутри медная сетка?

Лаборант замолчал.

Резнов стоял у двери. После вчерашнего он не отходил от них дальше двух шагов. Флейта лежала в футляре на его поясе.

— Ваша задача — довести корни до отметки, — сказал капитан. — Если в земле накопится слишком много пепельной силы, Серов удержит мёртвых.

— А то, что останется в фильтре? — спросила Алёна.

— Отправят на анализ.

— Удобное слово.

— Работайте.

Тихон повернул голову к стеклу. За ним находился Нестеров. По крайней мере, тёмный силуэт подходил по росту. Лицо Тихон уже различал хуже. Свет расплывался, и всё за перегородкой казалось нарисованным на мокрой бумаге.

— Вам необязательно участвовать, — тихо сказала Алёна.

— Если я откажусь, Резнов откроет футляр.

— Вы можете не брать флейту.

— Тогда он пропустит через вас всю поднятую некромантию, пока я не соглашусь помочь.

Она помолчала.

— Значит, работаем по нашим правилам.

— По нашим.

Алёна положила ладони на землю, и корни под поверхностью начали расти.

Тихон почувствовал её дар не сразу. Сначала запахло мокрой корой, затем появилось слабое давление в висках. Корни обходили камни и тянулись по влажным участкам. Вода, прошедшая через них, уходила по трубке в прозрачный фильтр.

На медной сетке оседала серая пыль. Это был не человеческий прах и не обычная земля, а частицы, в которых сохранялся узнаваемый рисунок магии Алёны.

Нестеров пытался получить копию её дара без неё самой.

— Остановитесь, — сказал Тихон.

Резнов шагнул ближе.

— До отметки ещё восемь сантиметров.

— Фильтр сохраняет рисунок её магии.

— Я не спрашивал вашего мнения.

— Тогда зачем я здесь?

— На случай, если она не справится.

Алёна не убрала рук.

— Если остановлюсь сейчас, они просто повторяют завтра.

— Если продолжите, у него будет достаточно материала.

— Тогда испортите ему измерения.

Она сказала это ровно, словно попросила передать кружку. Резнов не понял. Тихон понял.

Без флейты он не мог поднять большую волну. Но большая и не требовалась. Лаборатория стояла над старым лазаретом. В стенах оставались люди, умершие во время первых испытаний. Они не любили медные сетки. В таких сетках их удерживали перед разбором воспоминаний.

Тихон закрыл глаза.

— Я не приказываю, — сказал он тихо. — Но если хотите испортить им утро, сейчас самое время.

Первой отозвалась женщина из старой операционной. Она при жизни ругалась на плохо вымытые инструменты. Следом пришёл мальчик, который много лет искал свою деревянную лошадку. Потом ещё двое.

Шум прошёл по трубам.

Сначала отозвались старые радиаторы. Внутри них заскребло, будто металл чистили щёткой. Потом в вентиляции заговорили сразу несколько голосов. Они не складывались в слова для живых, но приборы чувствовали их присутствие. Стрелка на первой шкале дёрнулась, на второй появилась дрожь.

Мальчик с деревянной лошадкой нашёл её след в стене и потянулся туда. Женщина из операционной принялась перечислять инструменты, которых не хватало в день её смерти. Ещё один голос требовал открыть окно, хотя окон в лаборатории не было.

Тихон не давил. Только показывал каждому направление, которое совпадало с его собственным желанием. Получалось медленнее приказа и гораздо грязнее для измерений.

Алёна поняла план. Она чуть усилила рост, затем резко ослабила. Корни двигались рывками, и фильтр собирал осадок разной плотности. Лаборанты пытались записывать, но числа перестали складываться в ровную кривую.

— Стабилизировать поле! — потребовал молодой инженер за стеклом.

— Как? — спросил Резнов.

— Подключить Серова.

— Он уже подключён.

— Нет, он создаёт помеху.

Тихон повернул голову к голосу.

— Наконец-то специалист.

Резнов ударил ладонью по столу.

— Серов, прекратить.

— Я ничего не делаю.

В этот момент в вентиляции грохнуло так, что инженер отскочил от стекла.

— Особенно убедительно, — добавила Алёна.

Фильтр задрожал.

— Что происходит? — спросил лаборант.

— Мёртвые в старом лазарете отзываются на медь, — ответил Тихон.

Резнов открыл футляр.

— Удержать.

— Кого именно?

— Всех.

— Без флейты или с ней?

Капитан вытащил костяной инструмент и бросил на стол.

Тихон не спешил брать. Пока Резнов думал, что проблема в мёртвых, Алёна успела продвинуть корни ещё на несколько сантиметров. Осадок в фильтре потемнел.

Тихон поднял флейту.

Она была холодной и слишком знакомой. На одном краю осталась маленькая трещина после Верны. Он проводил по ней пальцем каждый раз, прежде чем дать приказ. Раньше считал это привычкой. Теперь понимал: проверял, не исчезла ли память сама собой.

Он сыграл одну короткую ноту.

Голоса не замолчали. Только сменили направление и ударили в медные трубки одновременно.

Шкала на стене прыгнула вверх.

Лаборант выругался. Второй бросился перекрывать воду. Резнов схватил Тихона за плечо.

— Вы что сделали?

— Направил их голоса в ваши медные трубки.

— Показатели сорваны.

— Вы просили удержать всех.

Тихон не улыбнулся. Алёна сделала это за него — совсем немного.

За стеклом Нестеров что-то приказал. Звук шёл через переговорную трубу, но слова терялись в общем шуме.

Правый глаз Тихона вспыхнул белым. На миг он перестал видеть совсем. Потом свет вернулся пятнами. Он опустил флейту и нащупал край стола.

Алёна сразу убрала руки от земли.

— Стоп, — сказала она.

— Продолжать опыт! — крикнул Резнов.

— Он не видит.

— Это не ваша забота.

— Тогда сами найдите корни на ощупь.

Резнов потянулся к её запястью. Тихон перехватил его руку.

Он не видел лица капитана, зато чувствовал, как тот напрягся.

— Отпустите, — сказал Резнов.

— Сначала вы.

Несколько секунд никто не двигался. Потом капитан убрал руку. Тихон тоже.

Нестеров вошёл в лабораторию.

— Опыт завершён, — объявил он.

— Фильтр испорчен, — сказал лаборант.

— Не полностью.

Полковник подошёл к колбе. На дне оставалось немного серого осадка. Совсем мало, но достаточно для человека, который умел строить оружие из чужих остатков.

Нестеров поднял колбу к свету. Серый порошок прилип к медной сетке тонким узором, похожим на разветвлённый корень.

— Вы знали, что фильтр сохраняет рисунок моего дара? — спросила Алёна.

— Предполагал.

— Поэтому вчера перенесли мои вещи и сегодня поставили другой фильтр.

— Поэтому я использую каждую возможность.

— Даже если она принадлежит другому человеку.

— Возможности не принадлежат людям. Они либо служат цели, либо пропадают.

Тихон уже слышал эту формулу. Одиннадцать лет назад Нестеров сначала называл ресурсом солдат, затем некромантов, а под конец — всё население Верны.

— Куда вы отправите слепок? — спросил Тихон.

— В сектор, к которому у вас больше нет доступа.

— Значит, код уже закрыли.

— Благодарю, что напомнили.

Нестеров передал колбу инженеру.

— Соберите малую установку и загрузите в неё осадок из фильтра. Используйте военный запас семян. Через час запустим без Веркиной.

Алёна резко встала.

— Вы убьёте семена.

— Тогда узнаем предел метода.

— Это не метод. Это обрезок моего дара.

— Обрезки иногда приживаются лучше целого растения.

Резнов велел охране вывести её. Тихон хотел сказать что-нибудь, что остановит Алёну от бессмысленного рывка к колбе. Не понадобилось. Она сама замерла, посмотрела на Нестерова и спокойно произнесла:

— Вы получите рост. Только он пойдёт туда, куда вы не рассчитывали.

Полковник впервые задержал на ней взгляд дольше обычного.

— Проверим.

— Отправить в закрытый сектор, — приказал Нестеров. — Немедленно.

Алёна поднялась.

— Это часть моего дара.

— Это лабораторный отход.

— Тогда выбросьте.

— Мы не разбрасываем полезные материалы.

Тихон услышал, как она сделала шаг к нему. Резнов встал между ними.

— С этого дня я сопровождаю все испытания лично, — сказал капитан. — Никаких разговоров без разрешения. Никаких действий вне команды.

— Вы и раньше всё время стояли рядом, — заметила Алёна.

— Теперь буду ближе.

— Сочувствую нам обоим.

Её увели первой. Тихона оставили в кресле, пока Ефросинья проверяла глаза.

Она закрыла левый глаз ладонью и попросила назвать число пальцев.

— Два.

— Один.

— Тогда у вас сегодня очень убедительный указательный палец.

Ефросинья тяжело вздохнула.

— Правым вы почти не видите. Левый тоже пострадал.

— Я заметил.

— Никакой магии хотя бы сутки.

— Скажите это Нестерову.

— Я уже устала говорить очевидное человеку, который считает людей деталями.

Она закапала лекарство. Мир стал ещё более мутным.

За стеклом лаборанты уносили фильтр. Тихон различал только движение белых халатов и тёмную фигуру Нестерова.

В соседнем помещении включили малую установку. Медная сетка зазвенела, по полу прошла слабая дрожь, и сухие корни в тестовом ящике заскребли по стенкам.

Алёны рядом не было.

Он поднялся слишком резко. Ефросинья удержала его за плечо.

— Сидите.

— Контур ответил.

— Что?

За стеной что-то треснуло. Один из лаборантов радостно позвал Нестерова.

Тихон прикрыл левый глаз. В темноте слышалось лучше.

Корни росли медленно и тянулись не в землю, а к медной сетке, на которой остался магический след Алёны.

Из соседнего помещения донёсся вскрик. Потом металлический поддон упал на пол.

— Они пошли по проводам! — крикнул инженер.

Нестеров приказал перекрыть питание. Было поздно. Тонкие корни добрались до медных креплений и обвилились вокруг них. Слепок дара заставлял их искать источник живой магии, но самой Алёны рядом не было.

Тихон понял, что Алёна имела в виду. Копия могла повторить направление силы, но не цель. Без человека, который различал живое и мёртвое, рост выбирал самый лёгкий проводник.

Без Алёны установка не могла выбирать цель и потому была бесполезна как оружие. Пока Нестеров не научится направлять рост.

Нестеров не ругался. Он приказал сохранить каждый образец, измерить длину корней и подготовить переносной корпус.

— Для чего переносной? — спросила Ефросинья.

— Для поиска устойчивого источника вне лаборатории.

Тихон повернул голову к голосу полковника.

Тихон понял назначение переносного корпуса. Нестеров хотел превратить сохранённый рисунок дара в маяк: проверить, потянутся ли корни к Алёне на расстоянии.

Если они сбегут, военные смогут искать её по этому отклику.

Ефросинья закончила осмотр и тихо спросила:

— Сколько пальцев вы видите сейчас?

— Светлое пятно.

— Это моя ладонь.

— Тогда пять.

— Не шутите.

— Я не хочу отвечать честно при Резнове.

Лекарка поняла и больше не настаивала. Но Тихон уже знал: правый глаз почти перестал помогать, а левый начинал брать на себя слишком много. Следующий сильный приказ мог оставить его без привычного зрения раньше, чем они подготовят побег.

Ефросинья помогла ему встать. В коридоре Тихон услышал, как Нестеров отдаёт новые распоряжения инженеру:

— Осадок разделить на три части. Одну оставить в лаборатории. Вторую поместить в переносной фильтр. Третью соединить с корневым образцом.

— Без Веркиной сеть быстро распадётся, — возразил инженер.

— Значит, измерим скорость распада.

— А переносной образец?

— Проверим на расстоянии.

Тихон запомнил каждое слово. Переносной фильтр ещё не был полноценным маяком, но Нестеров уже строил его. После побега времени на спокойное устройство в Кратере у них не будет.

Резнов взял Тихона за локоть и повёл к выходу.

— Вы всё слышали? — спросил капитан.

— Почти ничего не вижу. Не лишайте меня хотя бы развлечений.

— Скоро вам будет не до них.

— У вас все угрозы звучат одинаково.

Резнов сжал локоть сильнее, но Тихон не вырвался. Боль была полезной: она помогала не потерять направление в мутном коридоре.

Нестеров получил то, что хотел: слабый и пока неуправляемый слепок дара Алёны.

И теперь мог искать её даже там, где её самой не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.